

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ

Ю. ВИЛЕНСКИЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАНИНЦЕВ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ
1939

Э. ВИЛЕНСКИЙ

ДОКУМЕНТАРЬ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАПАНИНЦЕВ

ГОС.
ПЕЧАТНИЦА
№ 6
ЛЕНИНГРАД

Центральный Комитет
Всесоюзного Детского Издательского Союза Малых
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1939 Ленинград

«МУРМАНЕЦ» ВЫШЕЛ В МОРЕ

Был декабрь 1937 года.

Кончался седьмой месяц жизни на дрейфующей льдине четверки отважных советских полярников — Папанина, Ширшова, Кренкеля и Федорова.

Льдина ушла далеко от Северного полюса. Она плыла между Гренландией и Шпицбергом. Зимовщики продолжали свою героическую работу. Они всё время проводили научные исследования и наблюдения, аккуратно передавали в Москву сведения о погоде.

Мужественным полярникам предстояло прожить на льду еще три-четыре месяца.

Но на Большой земле уже стали готовиться к снятию со льдины зимовщиков первой в мире дрейфующей станции «Северный полюс».

В конце декабря Главное управление Северного морского пути начало снаряжать в плавание небольшое парусно-моторное судно «Мурманец». «Мурманец» должен был наблюдать за состоянием льдов в Гренландском море, установить прямую радиосвязь с дрейфующей станцией, подготовиться в случае необходимости аэродром для самолетов.

«Мурманец» — краковый деревянный бот. Он может ходить и под парусами и с помощью нефтяного двигателя; а самое главное — он хорошо приспособлен для плавания во льдах: его корпус имеет круглую форму и при сильном сжатии выталкивается на лёд.

Команда «Мурманца» состояла из опытных моряков и полярников. Капитаном назначили товарища Ульянова. Он плавает в северных морях уже больше сорока лет и хорошо знает Греландское море. Весь экипаж «Мурманца» состоял из двадцати одного человека. Это были горсточка людей, но все они были храбрецами, все бесстрашно шли в полярную ночь, в штормы и бури, в тяжелые льды. Им предстояли трудные испытания. Но разве может испугать ДОКУМЕНТАРИЙ моряков и советских полярников борьба с природой?

Вечером 10 января 1938 года «Мурманец» вышел в море.

ТРЕЩИНА

1 февраля от Папанина пришла радиogramма:

«В результате шестидневного шторма в 8 часов утра 1 февраля в районе станции поле разорвано трещинами от полукилометра до 3. Находимся на обломке поля длиной 300, шириною — 200 метров. Отрезаны две базы и технический склад с второстепенным имуществом. Из топливного хозяйственного склада все ценное спасено. Наместилась трещина под жилой палаткой. Будем переселяться в снежный дом. Координаты сообщу дополнительно сегодня; в случае обрыва связи просим не беспокоиться. Папанина». Несмотря на спокойный деловой тон Папанина, радиogramма эта говорила о тревожном положении на льдине.

Папанинцам, чепухрен мужественным гражданам Советской страны, угрожала опасность.

Вся страна была возмолвлена. Люди с нетерпением ожидали выхода газет, жадно слушали радиосообщения о станции «Северный полюс».

На другой день положение зимовщиков ухудшилось. Ледяные поля продолжали ломаться. Но отважная четверка не потеряла мужества и не растерялась.

2 февраля, вечером, от Папанина была получена еще одна радиogramма:

«В районе станции продолжает разламываться обломки полей протяженности не более 70 метров. Трещины 1—5 метров, разводя до 50. Живем в шелковой палатке на льдине 50 на 30 метров. Вторую мачту антенны ставим на время связи на другую льдину. С нами трехмесячный запас, аппаратура, результаты. Придет от всех. Папанина».

В этот же день Отто Юльевич Шмидт отправил по поручению правительства радиogramму капитану «Мурманца» Ульянову:

«...Обязательно дойти до лагеря Папаннина, спасти героев — снять их со льдины».

ДОКУМЕНТА

Герой Советского Союза Иван Дмитриевич Патонов.

Все средства были мобилизованы, чтобы как можно скорее помочь героям.

Правительство срочно отправило к берегам Гренландии, где дрейфовала льдина, ледокольные пароходы «Таймир» и «Мурман», предлагало срочно отремонтировать ледокол «Ермак» и отправить его вслед за «Таймиром» и «Мурманом».

Начальником экспедиции по спасению папанинцев со стороны правительства назначило Отто Юльевича Шмидта, а его заместителем —

ДОКУМЕНТА

«ТАЙМИР» СПЕШИТ В ЛАГЕРЬ

3 февраля, в полдень, весь экипаж «Таймира» был на мостях.

«Таймир» — один из старейших русских ледокольных кораблей — был готов к выходу в плавание. Скорлупан «Таймир» отличен. На палубе стояли в дощатых ящиках три самолета: «П-5», «У-2» и «Ш-2». Ящики были положены на дощики. Они были обшиты толем и крепко привинчены к палубе. Капитан Барсуков знал, что Баренцево и Гренландское моря не очень-то спокойны в это время года, и потому особенно позаботился о креплении самолетов. Можно было рассчитывать, что самолетные ящики выдержат любой шторм.

«Таймиру» предстояло плавать в темноте — полярная ночь еще не кончилась, — поэтому на корабль поставили три мощных прожектора: один — на носу, другой — на капитанском мостике, третий — в бочке, укрепленной на верхней части мачты.

Продовольствие, жема, палатки, резиновые лодки, пустые бочки для сооружения плотов — всё, что могло понадобиться в трудной арктической экспедиции, находилось на «Таймире». В состав экипажа были включены знающие моряки, деточки, полярники, ученые, водолазы.

Во главе экспедиции на «Таймире» стоял опытный полярник Ананий Владимирович Остальцев. Начальником лётной группы был полярный пилот Геннадий Петрович Власов. На борту находились кинооператоры, фотокорреспонденты, журналисты. Я тоже был участником экспедиции на «Таймире» в качестве специального корреспондента газеты «Известия».

В два часа дня 3 февраля 1938 года корабль покинул станцию советского заполярья — Мурманск.

СПРЯТАННЫЙ ГОРОД

В воздухе стояла сухая прохлада. Было тихо-тихо. Сигнальные огни «Таймира» отражались в воде и даже не рябнлись — так спокойно было море.

Вокруг в темноте шла жизнь. Загорались и гасли огни маяков-

мигалок. Как далекие звезды, вспыхивали красные и бледнозеленые точки створов. Над водой проплывали сигнальные фонари каких-то маленьких судов. Кораблики оставались невидимыми, и казалось, что огоньки путешествуют над морем самостоятельно. Нередка из темноты какой-то пароход приветственно гудел, и мы веселило отвечали неизвестному путнику.

Потом пароходов стало меньше. Стало меньше огоньков. Очертания Колыского полуострова начали сливаться с небом. Темнота поглощала всё.

Мы долго стояли на палубе.

Вдруг в темноте, в каком-то проливе, за каким-то островком загорелся огонек. Завижула машинный телеграф, глухо прозвучала на капитанском мостике команда, и «Таймир» повернул.

Огонек блистал прямо перед нами. Внезапно он раскололся надвое. Потом каждая точка рассыпалась на множество желтоватых искр. Уже не одна, а сотни огоньков сверкали вперевал. Мы продвигались дальше, вперед. Созвездие огоньков всё разрасталось.

Это был большой город. Он уходил вправо, влево, вперед. Там и здесь серебрились параллельные цепочки окон — это были многоэтажные дома. Внизу, у основания горы, почти над самой водой, мелькали фонари автомобилей.

Мы приближались к этому чудесному городу и вели с ним разговор с помощью световой сигнализации.

— Нас ждут, — сказала капитан и скомандовала: — Проектор!

Вспыхнул, загорелся белый луч. Он пробежал по воде и ответил на мгновение шеренгу подводных лодок, стоявших на причале. Но тут же, словно охраняя военную тайну, луч проектора ушел от боевых кораблей. Он осветил стенку пристани, на которой стояли люди, ожидавшие нас.

Через несколько часов мы отчалили от пристани. Простившись с жителями замечательного, сказочного города, выстроенного большевиками на своей северной земле, мы стали удаляться от берега.

Огоньки таяли. Их становилось всё меньше, меньше... Наконец остался один. Через минуту исчез и он.

Исчез город. Города не было видно. Он был искусно скрыт между гористыми оградками, мудро созданными природой.

— Враг никогда не увидит, никогда не найдет этого города, — сказал капитан Барсуков. — И если он противит свою хищную лапу к нашим северным землям, из такой лагуны стремительно бросится на него наш суд и уничтожит его...

Морак умолк.

Подул ветер. Он сморщил воду, зашвырнул в отбоях, заломал в брызгах.

Стало холодно.

Мы не уходили с палубы. Мы продолжали смотреть назад.

в темноту, где остался сарятинный город, город сильный, спокойный и грозный.

Ночью началась качка.

ШТОРМ

ДОКУМЕНТАРЬ

Моряки утверждают, что слово «шторм» надо писать с большой буквы. Если судить по штормам, которые пережит «Таймир» в Баренцовом и Гренландском морях, они правы. Начиная с первого дня плаванья вокруг северных берегов Норвегии и вплоть до излодения в лед штормы почти не покидали нас.

Особенной силой шторм достиг ночью 6 февраля. Порывы ветра достигали силы в одиннадцать-двенадцать баллов. «Таймир» вознахлест с боку на бок и через воду бортами. Крея достигла 50 градусов. Водные стены поднимались вокруг корабля и давили на него, словно желая разломить, изломать, вдавить в морскую пучину маленькое судно, неизвестно как попавшее в центр бури. Шквалами поднимались выше капитанского мостика «Таймир» почти не двигался вперед и зарывался носом в воду. Через палубу перекашивались волны, с огромной силой ударившие по шканам, бортам, брезням и доскам, прижатным к стойкам и перилам.

Экипаж продолжал работу. Когда сорвало трапы, матросы подхватили их и прижали к стойкам. Когда волны сорвали с места несколько бензиновых бочек и водородных баллонов, хребты бросались за ними. Под яростными ударами волн, при крепе в 45—50 градусов, цепляясь за малейшие выступы, балансировали они на мокрой, скользкой палубе. Их окутывало холодной соленой водой. Они уходили вниз, передевались и снова начинала свою опасную работу.

Тяжелые, пятнадцатипудовые, железные бочки лежали от борта к борту, как шарик на корабельном бильярде. Они могли убить кого-нибудь. Капитан решил не подвергать риску команду и приказал выбросить за борт сорванные с места бочки.

Винты, в каютах, в кают-компания стоял невообразимый шум. В шкафах, чемоданах, шкафах всё перекашивалось, стучало, гремело.

Буфетчицы-комсомолки Дуся и Вера показывали чудеса акробатики. Качаясь из стороны в сторону, как маятники, привинченные к полу железным концом, ходили они по кораблю с миской дымящегося супа или блюдом горячего мяса. Тела их принимали настолько неправдоподобные положения, что казалось, будто всё это фокусы трюкового кинофильма.

Море терзало корабль. Ребра «Таймира» потрескивали. Создавалось впечатление, будто вот-вот вода раздавит корабль и разорвет его обшивку.

ДОКУМЕНТА

Герой Советского Союза Петр Петрович Широков.

Но старик «Таймыр», испытанный в морских боях корабль, выдержал шторм и прошел через все препятствия, которые поставило на нашем пути разбушевавшееся море.

Даже в самые трудные минуты бодрость кипела на всем корабле, и веселье не покидало моряков. И даже тогда, когда **ПОКУСОВА** гал крайней силы, внизу слышались песни и музыка. Свободная от работы часть команды не теряла времени и веселилась.

Лишь некоторые «сухопутные» участники экспедиции, плохо переносившие качку, лежали в каютах и уверенно не желали вставать. Когда же к ним подходил врач и рекомендовал выйти на палубу, они отвечали:

— Спать хочется...

ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

4 февраля радисты «Таймыра» услышали, как радиостанция острова Ян-Майен начала передавать что-то беседу. Через минуту радист Богданов прибежал ко мне в каюту:

— Иди, там твои «известия» разговаривают!

Я пошел в радиорубку. Там мы приняли очень интересный радиоразговор. Говорил капитан «Мурманца» Ульянов с корреспондентом «Известий», находившимся в Осло.

Из Осло спросил:

— Имеете ли постоянную связь с лагерем?

Ульянов. Связь с папиными деревнями беспрерывно. Передают им наш привет. Слышимость хорошая. Кренкель работает слава.

— Какие последние сведения получены вами из лагеря?

Ульянов. Папанин просит вам передать, что все четверка занята работой — установкой антенны. Все здоровы, бодры, уверены, что экспедиция по ситию закончится удачно. Положение улучшилось. Впрочем, даже в самые трудные минуты никто не предавался унынию.

— Какова ледовая обстановка?

Ульянов. Служим чистой водой, встречаем полосы мелкобитого льда в три-четыре балла. Идем к северной оконечности острова Ян-Майен. Скорость хода судна шесть-семь миль¹ в час.

— Что вы собираетесь предпринять в ближайшие дни?

Ульянов. Пока, как я уже сказал, держим курс на остров Ян-Майен, а затем возьмем направление на станцию «Северный полюс», куда собираемся подойти, пользуясь разводьями и битым льдом. В настоящий момент мы на расстоянии около четырехсот километров от лагеря.

В заключение Ульянов просил передать, что на «Мурманце» всё в порядке, экипаж работает с большим подъемом.

¹ Миль (морские) — 1,8 километра.

БЕСЕДА ДВУХ МАТРОСОВ

Шторм продолжался пять суток.

8 февраля вечером мы пересекли Гриничский меридиан — перекочевали из Восточного полушария в Западное.

— А здесь тише, и западной половине земн, — шутки на корабле.

ДОКУМЕНТАРНО

— И холоднее, — добавил кто-то.

Действительно, стало холоднее. Еще два дня назад вода имела 6 градусов тепла, а воздух — 3 градуса. Теперь же вода была почти ледяная, а в воздухе стало морозно. Шел снег. Оно и понятно: мы значительно приближились к кромке льда.

На мостике, на носу стояли люди. Они очень внимательно всматривались вдаль. Скоро мы должны были встретить первые льдины — таков говорил об этом.

Для замеченного первую льдину приготовили бутылку шампанского. Стало нетерпением ждать встречи с теми льдами, сквозь которые мы протянем дружеские руки помощи нашим славным соотечественникам.

Трудно рассказывать, с какими нетерпением мы ждали этого момента. Если бы можно было, привязали бы крылья и перелетели к ледяникам, — так хотелось их увидеть, обнять, помочь им.

Ночью на палубе я слышал беседу двух матросов.

— Лды, говорит, будут тяжелые, — сказал один.

— Не пробьются? — спросил второй.

— Да, трудненько будет.

— Неужто не пробьются? — переспросил матрос и после короткой паузы сказал решительно и твердо: — Если не дойдем до них — пойдем пешком и на руках принесем их к кораблю...

То ли от востра, то ли от дыма у меня увлажнились глаза...

Я быстро ушел вниз.

БЛННЫ И СТЕАРНЫ

— Блнны! — закричал кто-то в коридоре, и мы выскочили на палубу.

Ярким лучом наш главный прожектор прорезал темноту и осветил черную поверхность воды. На ней лежали огромные заснеженные ледяные блнны, похожие на цветы Виктория-Регна.

— Полярная масленца, — пошутил Валков.

Итак, не встретив отдаленных льдин, мы подошли к полосе «блннов» — первой стадии замерзания воды.

Блнчатый лед — это молодой, еще мягкий ледок, который скоро должен застыть и стать твердым. Блнчатый лед, как и старый лед,

ДОКУМЕНТАРЬ

Лед обволок снасти, лебедки, доски, бочки.

погибает, сасргивает волнение. Мы шли по спокойному морю. Было тихо, и только шелестели разрезанные носом корабля «блины».

Недолго продолжалось приятное плавание без качки. Внезапно оборвалась банничная полоса, и мы снова попали в сильный шторм. Почти целые сутки трепало корабль. Волны выбила дверь, ведущую во внутреннее помещение корабля, разбила капитанский мостик, сорвали и унесла в море желовый якорь.

Но самолеты зашки удалось, как и во время первых штормов, отстоять. Самолеты были самым ценным нашим грузом.

Днем стало тише, но корабль успел обледенеть. Вода, попадавшая на палубу, замерзала, и лед обволок снасти, лебедки, доски, бочки. Все предметы как бы покрывались стеарином и потеряли свою форму.

— Аврал! — приказал Остафьев.

Все, кроме вахтенных механиков и кочегаров, вышел на палубу. Вытащили все оставшееся на корабле дрова, хворост и альпенштоки. Дружно взялись за работу и за два часа откололи несколько десятков тонн льда.

— Твердый стеарин, — приговаривала боцман, откалывая от лебедки крупные куски льда. — Морской стеарин...

ПЕРВЫЙ РАЗГОВОР С КРЕНКЕЛЕМ

С момента выхода в море радисты «Таймыра» старались установить прямую радиосвязь со станцией «Северный полюс». Целых семь суток слушали и звали они УПОЛ¹, но Кренкель не отвечал.

Только 10 февраля радист «Таймыра» услышал Кренкеля, который держал связь с каким-то тральщиком. Наш радист выждался, дождался ответа, и завязался первый разговор «Таймыра» с лагерем.

Остальцев по радиотелефону сообщил о том, что для снятия четверки мобилизованы корабли и самолеты.

Папаниным по радиотелеграфу рассказывали о своей жизни, начиная с того дня, когда треснула льдина.

«В этот день, 1 февраля, — выстукивал Кренкель, — мы покинули свою большую черную палатку и перешли жить в другую, более легкую. Устроились неплохо, все здорово, всё у нас в порядке. Лед сложенный, смерзающийся, к сожалению, непригодный для посадки».

Восьмого мы впервые увидели Гренландию. Очень красиво. В тот же день к нам в гости пришли три медведя. Убили всех трех».

— Братки, — ответил Остальцев, — всё идет хорошо. Но прошу нас все-таки, если можете, рассказать, нет ли поблизости льдины, пригодной для посадки нашего самолета.

Затем радисты передали папанинцам радиogramмы от их жен и приняли ответы для них же.

Из этой связи с Кренкелем была прервана. Целый день мы только и говорили об этой беседе. Она как бы приближала нас к льдине.

— Скоро будем с вами говорить без радио, — сказал штурман.

НЕУЛОВИМАЯ КРОМКА

Когда Остальцев говорил с Кренкелем, мы стояли в радиорубке и держались за привинченные к полу столбики. Очень сильно качало. Дул ветер силой 11—12 баллов.

Из-за этого ветра пришлось лечь в дрейф, то есть почти остановить корабль.

Мы стояли на месте и видели в бинокль кромку льда — белый берег большой ледяной страны, в глубине которой находилась наша дружка.

Вот она, близко, эта кромка. Но идти к ней сейчас нельзя. В такую качку при движении корабля волны обязательно разобьют самолеты.

И мы стояли на месте.

А когда утром я посмотрел в бинокль — кромки не было видно.

¹ УПОЛ — сокращенное наименование «Северный полюс».

Крутом было чистое море. Как долго гнались мы за этой кромкой, догнали ее, и вдруг она опять исчезла!

— Куда же она делась? — спросил я капитана Барсукова.

— Кто она? — путанно переспросил Борис Дмитриевич.

— Да кромка.

— А, кромка...

И, перестав улыбаться, Барсуков сказал:

— Всю ночь дула сильные восточные ветры. Очевидно, кромку отнесло к берегам Гренадидан. Кстати, это очень плохо: льды скажут, и «Таймыру» придется нелегко. И лучше было бы, если б не мы догнали ее, а она двинулась бы нам навстречу.

ДОКУМЕНТАРЬ

И РАСТЕРЯЛСЯ

— Ты — единственный таймырец, который участвовал в экспедиции на Северный полюс, — сказал мне Остапченко, — поэтому я разрешаю тебе несколько минут поговорить с лагерем по радиотелефону.

И вот 11 февраля в полдень я вошел в радиорубку.

— Ало, ало, — сказал в микрофон радист, — товарищ Кренкель, с вами сейчас будет говорить Вилениский.

Я взял в руки микрофон и растерялся. Что сказать друзьям, которых оставил на полюсе, с которыми не виделся почти девять месяцев?

— Говоря же, — нетерпеливо сказал радист, — ведь он ждет!

— Здравствуйте, дорогие мои, — сказал я. — Здравствуйте, братья родные... Не знаю, что вам рассказать...

И я начал говорить совсем не то, что хотел сказать. Я передал привет Кренкелю от его соседа по дому, Ширанову рассказал о том, что его семья переехала из Ленинграда в Москву, описал его новую квартиру. Я говорил быстро, волнуясь и почти не сознавая того, что говорил.

— Перехожу на прием, — сказала наш радист.

— Привет, дорогой Вилениский, — ответила Кренкель. — К сожалению, у меня садятся аккумуляторы, поэтому могу только слушать. Расскажи еще о московских новостях.

Тут я несколько успокоился и рассказал о выборах в Верховный Совет, о Первой сессии Верховного Совета, о Москве, о встречах с родными и друзьями.

Когда я, изголодавшийся и возбужденный необычайным разговором в Гренадидском море, сошел вниз, в уют-компанию, я увидел, что там сидят все участники экспедиции.

Оказалось, что разговор транслировался по кораблю, и они все слышали.

— Хорошо, что ты волновался, — сказали мне: — получилось искренне и интересно.

ДОКУМЕНТАРИ

Герой Советского Союза Юрий Теодорович Кравцов.

Вечером 11 февраля качать перестало. Уже не плескались в стаканах вода. Можно было спокойно сидеть за столом, играть в домино, браться.

В полночь встретились льдины — большие и маленькие. Большие нагнетный штурман старался обходить, чтобы не повредить корабль.

В два часа утра 12 февраля вошли в разреженный лед. Это событие было встречено с необычайной радостью. Рядом с нами плавали плавники недалеко. Кстати сказать, мы лишь приблизительно знали, где находимся. Уже несколько дней мы не видели ни солнца, ни звезд. Стояла туманная облачная погода, и штурманы не могли точно определить место, где мы находились¹.

И вдруг справа засверкала звездочка.

— Звезда! — воскликнул старпом².

В это время на небе засветилось еще несколько звезд. Наши штурманы схватили астрономические приборы и разошлись в разные места палубы, чтобы отдельно друг от друга определить местонахождение корабля и потом сравнить результаты определений.

Тем временем «Таймир», расталкивая льдины, продолжал идти на северо-запад. Мы стояли на палубе, на мостике, и отдыхали. После десятидневной качки плавание по льдам казалось очень приятным.

Прожекторы шаркая по льдинам, выискивали разводья, выискивали путь кораблю. Внезапно луч прожектора уперся в какое-то темное пятно.

Научный работник биолог Рудаков сорвался с места и пошелся вниз.

— Тюлень! — крикнул он на ходу. — Я за винтовкой.

Тюлень лежал на самом краю льдины. Освещенный лучом прожектора, он лениво поднял голову и пренебрежительно, как бы раздумывая, смотрел на корабль. В тот самый момент, когда Рудаков прибежал на палубу с ружьем в руках, тюлень лениво и тяжело плюхнулся в воду.

— Он ждал нас, ждал и не дождался, — подшучивала над Рудаковым Остальцева. — Что же мы замешкались?

Огорченный Рудаков ушел вниз. Через минуту мы увидели несколько еще одного тюленя.

— Товарищ Рудаков, товарищ Рудаков! — закричал штурман и бросился звать биолога.

Но, когда Рудаков прибежал, тюлень уже успел броситься в воду. Биолог чуть не лопнул от досады. Всю ночь проторчал он на палубе и пристально вглядывался в темноту.

Но в эту ночь тюленей Грэнландского моря словно стоворились и больше на нашем пути не появлялись.

¹ Для астрономических точных определений местонахождения судна нужно, чтобы на небе было видно либо солнце, либо звезды.

² Старпом — старший помощник капитана.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ МИЛЬ

Я не дождался спать и с нетерпением ожидал окончания работы штурманов. Очень хотелось знать, далеко ли еще до льдины.

Штурманы кончили возиться с приборами и стали производить подсчеты. Вскоре работа была окончена. Мы находимся на 74° 50' северной широты и 16° 00' западной долготы.

— Приблизительно в двадцати пяти милях от станции «Северный полюс», — заявила Барсуков.

Двадцать пять миль! Всего двадцать пять миль! Ведь это же рядом, совсем близко. На самолете лететь — двадцать минут. Неужели действительно так близко?

Мы набросались на Остапцева.

— Это совсем не близко, — сказал начальник. — Двадцать пять миль в Арктике — это все равно, что тысяча миль на Большой земле. Близко лететь, да не укусишь! Знаете такую поговорку? То-то и оно!

Мы было спорились, но потом решили, что начальник шутит. Подумаешь, великое дело — двадцать пять миль! Ведь на корабле это два-три часа ходу.

На судне, несмотря на глубокую ночь, царил большое оживление. Ближайшие джиги возмущали всех. Почти никто не спал. Под утро накрыли стол. Появился консервированный язык и шпроты.

В кают-компанию было шумно и весело. Сверху пригнали Остапцев и Барсуков. Дуся и Вера подбавили еще разных деликатесов. Чувствовалось, что на корабле праздник.

По этому поводу было сделано отступление от правил — в кают-компанию был допущен Джон, чудесная немецкая овчарка, общий любимец всех таймюригов.

Обычно собаки в кают-компанию не допускались. Дуся и Вера не терпели присутствия четвероногих в кают-компанию, где они поддерживали безукоризненную чистоту. Лишь изредка ему разрешали стоять у двери и ожидать подкормки — кусок сахара.

В эту ночь Джону выпала удача. Его ласкали, угощали копченым языком, колбасой, сахар сыпался на него, как на рога изобилия.

Но Джон вел себя чинно и прилично. Сказывалась корабельная дисциплина.

Джон получил морское воспитание. Его мать, родная сестра моего шен-нот здесь же, на «Таймуре», на кожаном диване, стоявшем в штурманской рубке. Когда щенки подросли, мамашу и детей отдали на другие корабли. Был оставлен один Джон, самый крепкий и рослый. К моменту нашего с ним знакомства Джону было около года. Добродушный, послушный и очень умный пес, он сиял всеобщую любовь. И даже диван в штурманской рубке, на котором Джон появлялся на свет, остался в его распоряжении. Пес пользовался им не часто, но в штурм его надо было входить только на этом диване. Уверившись лапами в комод с мореходными картами, он лежал в продавлен-

ДОКУМЕНТАРЬ

ной мне дивана и с грустью смотрел на штормовую обстановку. Джон штормов не любил.

В эту ночь, извинившись доотвала, он тихо лег под столом в кают-компании и слушал наши разговоры. О нем забыли, и, когда все разошлись, Джон остался спать в кают-компании.

Убежал он лишь тогда, когда увидел, что Дуся пришла убирать.

ДОКУСФЕРА

«ТАЙМЫР» РЕЖЕТ ЛЕД

Утром, когда мы ложились спать, «Таймир» шел в разреженных льдах. В полдень в проскусы от сильного толчка.

Когда я вышел на палубу, передо мной предстала очень красивая картина: «Таймир» находился в сплошных льдах. Кругом, куда ни глянь, лежала до самого горизонта белая холмистая равнина, покрытая мохнатой скатертью снега. Узкие извилистые разводы и трещины прорезали эту равнину. Над светлыми нависали торосы — причудливые нагромождения ледяных глыб.

На баке — носовой части корабля — стояли свободные от вахты, люди и наблюдали, как «Таймир» режет лед. Нос корабля забирался на льдину, поднимал ее под себя, и тогда вперед по льду убегали узкие полоски-трещины, как будто молния внезапно разрезала льдину. Трещины раздвигались, края льдины ломались, крошились, и снизу с грохотом чмокавшим вырывалась вода.

Но не всегда старичку «Таймиру» удавалось расколоть льдину. Часто по многу раз он взлезал на какое-нибудь возе, несколько секунд висел на нем и, послушный воле капитана, слезал назад. Тогда менялось направление, судно с трудом поворачивало в другую сторону и выбирало более легкий путь, хотя бы даже отклонившись от нужного нам направления. Важно было выбраться из тяжелого места, а там, дальше, можно будет снова выйти на прямую линию, соединяющую корабль с его конечной целью — станцией «Северный полюс».

Борьба со льдом была очень тяжелой. Барсуков командовал винту, а Остальские залез в бочку, укрепленную на вершине мачты. Вооруженный сильным биноклем, он выслеживал малейшую щель, малейшее раздвоение или несмерющуюся трещину и указывал путь кораблю. Метр за метром заводил корабль, и каждый такой метр приближал нас к желанной цели.

За четыре часа «Таймир» проходил лишь одну милю, но и это было нелегко.

На небе творились необычайные дела. Справа, над самым горизонтом, мы видели дугу. Она была красная, с неровными краями, как будто ее кто-то обкусал. Она не освещала льдов, а бросала на них лишь какой-то мрачный, зурчурный отблеск.

ДОКУМЕНТАР

Герой Советского Союза Евгений Константинович Федоров.

Зато слева светили яркие лучи холодного полярного солнца.

— Как вы думаете, — спросил я старшом, — сумеет «Таймир» пробиться к папанинской льдине или придется выпускать самолеты?

Старшом посмотрел на меня довольно сурово. Морская не любит заглядывать вперед. Никогда нельзя спрашивать у капитана — скоро ли мы придем, сколько дней осталось идти до порта и т. д. Морские считают, что с природой шутить нельзя. Сказано, что **ДОКУСФЕРА** возьмет да рассердится и устроит бурю.

Поэтому старшом ответил:

— Надежда есть... хотя в нее не надо верить.

Я улыбнулся этому ответу, но настроение у меня улучшилось. Раз старшом говорит, что можно надеяться, значит, это так. Опытный моряк, ледовый штурман, старый повар, он десятки лет изучал лед, море, погоду, и его словам, словам практика, надо было верить.

Где-то недалеко на северо-востоке дымился «Мурман». Он вышел из Мурманска через два дня после нас. У него очень сильные машины, и он нас почти догнал.

Из Ленинграда вышла «Ермак». Он полным ходом шел на север, стремясь как можно скорее достигнуть кромки льда.

Где-то возле острова Ян-Майен курсировала маленькая парусно-моторный бот «Мурманец», вышедший 10 января, чтобы вести патрульную службу в районе льдины и держать радиосвязь с Кренкелем.

Четыре судна спешили на помощь папанинцам.

Кто раньше всех подойдет к лагерю?

Какой корабль снимет четверку героев?

Вот вопросы, которые мучили всех моряков и полирников — и на «Ермаке», и на «Таймире», и на «Мурмане», и на «Мурманце».

ВИДИМ ЗАГЕРЬ ПАПАНИНА

Мы увидели Гренландию — самый большой остров земного шара. В голубой дымке вырисовывались его изумительно красивые берега. Это — лед, покрытый снегом. Толщина ледяного покрова Гренландии достигает двух тысяч метров. Почти весь остров покрыт льдом, и только небольшая полоса вдоль южной части западного берега свободна от ледяных.

Все высыпал на палубу. Перед нами предстали ледовые гористые берега, нарезанные фиордами¹. Никогда еще корабль не подходил сюда в зимнее время.

Где-то банкой под этими берегами плала папанинская льдина. Мы ее, конечно, еще не видели, а вот папанинцы уже видели наш про-

¹ Фиорд — узкий и глубокий залив.

жектор. В полдень Кренкель сообщил, что на рассвете ясно различал световую линию, шарнирную по горизонту.

А вечером, в восемнадцать часов, Эрист отсутствовал.

«Отчетливо виделся ваш дым. Только что в вашу сторону побежал медведь».

Этот медведь до нас не дошел, а вот другой призошел. Он выскочил на расстоянии двухсот-трехсот метров и ушел. Стреляла — теперь запрещено бить медведей без острой нужды. В белого медведя можно стрелять, только заходясь от него или в случае недостатка продовольствия. Маса у нас было яловый, медведь на нас не напал — мы и оставили его в покое.

Летчик Власов не уходил с палубы. Он чувствовал, что скоро ему удастся полетать. И он уже пылко осматривался по сторонам, выискивая подходящую для аэродрома льдину. Он попался на нашем пути длиной в двести-триста метров и больше. Она так приглянулась Власову, что он даже попросил Остальцева остановиться. Но мы не останавливались: пока можно было идти вперед — шли.

До лагеря оставалось двадцать миль. Но дальше путь был закрыт. «Таймир» уперся в непроходимые льды.

Тогда мы попытались пойти в обход. Кружили, давали то задний, то передний ход, поворачивали влево, направо. Ничего не помогало.

Нало было готовиться к полетам. Но как нало не могли найти подходящего поля. Очевидно, здесь бушевал сильный шторм, который разломал громадные поля на обломки длиной сорок-шестьдесят метров. С такой льдины не взлетит.

Начали отступать. Решили возвратиться к той льдине, которая Власову особенно понравилась.

Сильно похолодало, мороз был ниже 20 градусов. Остальцев и Барсуков стали белыми. Шапки, воротники, ресницы, брови — всё это покрылось инеем, и они походили на рождественских делов.

В двадцать два часа 12 февраля произошел первый «световой разговор» между «Таймиром» и льдиной. Мы выпустили несколько цветных ракет, затем зажгли главный прожектор, подняли его луч вверх и три раза опустили к лагерю, как будто три раза поклонились.

В ответ на горизонте зажглось какое-то пятнышко. Зажглось, и очень быстро погасло. Через секунду опять что-то вспыхнуло. Когда мы убедились в том, что не ошибались, что нам действительно подает сигналы, Остальцев пошел в радиорубку. Мы, конечно, тоже загляли в маленькую комнатку радиостанции, не обращая внимания на протесты радистов: уж очень хотелось послушать разговор.

Остальцев был возбужден и изволнован. Он спросил:

— Ясно видно?

«Ясно, ясно», — ответил Кренкель. — А нас?

— И ваши сигналы великолепно видны, — сказал Остальцев. —

А как у вас с аэродромом?

«Подходящую ледину нашли, — выстучивая Кренкель. — Если удастся поработорем, можем часам к четырем дня расчистить и приготовить аэродром».

— Не надо, не надо, дорого, — ответил Остальцев. — Не трудитесь, не изнрагайтесь даром. Ложитесь спать, отдыхайте. Утром попытаемся поодойти поближе, а вы тем временем спокойно, постеленно подготоните аэродром. Очень прошу — ложитесь спать. **ДОКУМЕНТАРНО**

ВОДРЫВНИКИ СОВЛИ НА ЛЕД

Утром, словно желая сдержать обещание, данное ночью папанинцам, мы начали атаковать лды. Всей тяжестью своего корпуса наваливался корабль на ледовые перемычки, с трудом прокладывая себе путь. На капитанском мостике беспрестанно звякал машинный телеграф, по которому капитан отдавал а машинное отделение свои распоряжения:

— Полный вперед!

— Стоп!

— Малый назад!

— Малый вперед!

— Средний...

Механики внизу выбивались из сил. Им приходилось ежеминутно менять скорость движения, менять задний ход на передний и наоборот. Но работа шла четко.

В полдень говорили по радио с Кренкелем.

— Расскажите о вашей жизни, — просила мы его.

Эрик отвечал:

«Десятого февраля начали строить новое снежное здание для моей радиостанции. Мы с Папаниным резали снежные кирпичи, а Петя и Жена воздвигали из них стены. Работали целый день, и к вечеру строительство было окончено. Уже третий день я работаю в новом здании радиостанции. Не могу похвастаться своим новым помещением — холодно работать. Поэтому прошу вас, не особенно загружайте передатчик радиogramми с Большой земли. Встретимся — вот мне отдалите».

— Что ели сегодня на обед? — спросили мы.

«Я сварил сегодня суп из молодого медведя, которого убили восьмого февраля. Очень вкусно. Утром ели сушари, жаренные в масле... Ну, хватит... Холодно. Будьте здоровы!»

В три часа дня мы встретились со ледником, которая никак не хотела расколоться на части. Как ни била ее «Тайшйра», ледник подрагивала, отодвигалась назад, но оставалась целой.

— Попробуем взорвать? — предложил Барсуков.

ДОКУСФЕРА

Корабль с трудом прокладывал путь во льдах.

— Давайте, — ответил Остальев, и на корабле начались приготовления. Подрынные проверили банки с аммонитом, шнуры, всю свою аппаратуру.

Тем временем корабль пристал к упрямой льдине. Пользуясь случаем, с борта спускались летчики, механики, фотокорреспонденты, журналисты. Мы гуляли по льдине и испытывали огромное изумление. В воздухе было тихо, светило солнце, снег искрился разноцветными огоньками. Мы дышали чистым арктическим воздухом и чувствовали, как очищаются наши легкие, как сердце работает лучше и четче, как кровь быстрее струится по жилам.

— Замечательно здесь! — воскликнул Власов. — Скажите, разве можно не любить Арктику?

Никто не возражал Власову. Тот, кто хоть раз побывает в Арктике, тот ее полюбит и никогда не забудет...

Подрынные сошли на лед, и мы начали выкапывать ему для аммонита. Власов отправился в сторону искать подходящий аэродром.

— Все готово! — сообщила подрынная.

Люди убежали на соседнюю льдину. Подрынная захватил фаталь и тоже убежал в сторону. Ровно через минуту раздался глухой взрыв. Вверх полетел белый фонтан снега и льда.

Но льдина осталась целой и неприкоснутой. Трехметровый лед оказался сильнее зимовала.

— Еще раз! — крикнул Барсуков.

— Есть еще раз! — ответили на льду и снова подготовили и провели взрыв.

Окончился он так же безрезультатно, как и первый.

— Остановить! — командовал капитан.

Все поднималось на корабль. Последним пришел Власов, уходящий очень далеко.

— Есть аэродром, — сказал он. — Отсюда километр-полтора. Льдина подложащая, только придется почистить...

— Что ж, — ответил Остальев, — пойдем к ней.

— Полный вперед! — командовал Барсуков.

Снова началась борьба со льдами. Она продолжалась до самого вечера. «Таймир» приближался к льдине, выбранной Власовым, на триста метров, но подойти к ней вплотную не смог: мешал массивный, толстый лед.

После короткого совещания приняли решение: пришвартоваться к ближайшей льдине, пойти на найденную Власовым плотную, расчистить ее, собрать самолет, перенести его на аэродром и ночью отсюда полететь.

«Таймир» остановился. На лед полетели канаты и ледовые якоря. Начался новый этап экспедиции.

НОЧЬЮ НА ЛЬДИНЕ

Аврал. Часть команды отвозила доски, бревна, бочки с бензином. Другая—под руководством Власова—раскладывала самолетные шины. Третья накатывала трап, устанавливала большие бревна для спуска самолета.

Под мое командование дали восемь человек — журналистов, кино-фотокорреспондентов. Нам поручали отараниться на будущий аэродром, обмерить и очертить его границы.

— Береги людей, — сказал мне начальник, — остерегайся медведей, следы за хождением через трещины. Смотри, ты отвечаешь за свой отряд.

Я назначил часового и дал ему винтовку.

— Ты не работаешь, а только стережешь нас, — сказал я ему.

Кавказец дал мне свой казан. Я подвесил его к поясу.

Затем мы наполнили восемь мешков золой, чтобы посыпать границы аэродрома. Взяв один из мешков, взяли по лопате, захватили две доски и отаранились в путь.

С корабля наш путь освещали прожектором. Кругом была темнота. Торосы отбрасывали длинные тени, принимавшие самые причудливые формы. Все кругом было фантастично и походило на театральную постановку какой-то северной сказки.

Но на пути попадались трещины, разломы, через которые надо было переходить, и тогда мы чувствовали, что это не театр и не сказка, а самая настоящая действительность. В ход пошли доски. Их перекидывали с одной льдины на другую и переходили по ним. Льдины шевелились, шевелились и доски. Казалось, вот-вот склянутся в воду...

Одному всё обошлось без приключений. Мы благополучно добрались до заветной льдины. Часовой бросил мешок, взял винтовку и приготовился стая раскладывать воле торосов. Вдалеке сверкали огоньки корабля. Изредка в нашу сторону направляли прожектор, и тогда во снегу бегали фантастические тени.

Мы горячо принялись за работу, обследовали и измерили аэродром. Он оказался по величине вполне достаточным, но был покрыт множеством твердых заструт. По такой поверхности самолет бежать не смог бы. Здесь предстояло изрядно поработать.

Очертив золой границы аэродрома, мы оставили у торосов лопаты и ушли к кораблю, чтоб доложить о состоянии льдины, забрать людей и вернуться для расчистки аэродрома.

Воле корабля было шумно, оживленно и светло. Горели сильные электролампы, вынесенные на лед, прожекторы.

Заканчивался спуск фюзеляжа самолета. Смешно выглядел корпус без крыльев.

«Даже удивительно, как может летать такая штука!» подумал я.

Кинооператор зажег магнитные свечи. Они залили ярким белым

светом очень живописную картину: корабли, самолеты, лежащие на снегу доски, бревна, крылья самолета, резиновые лодки, инструменты. Усердно работали группы людей. Ненстоов носился корабельный пес Дюков, принимавший самое живое участие во всех делах... Мы возлились за фото- и киноаппараты, снимали — снимали до тех пор, пока горела свеча.

А когда они погасли, большим отрядом, в тридцать человек, мы опять пошли на аэродром. Выстроились длинной шеренгой — с лопатами в руках стали медленно двигаться вдоль льдины, складывая ее поперечностью.

Покуда ветер, пошел снег, началась пурга, но мы продолжали дружно работать и к утру расчистили двадцать тысяч квадратных метров снежного покрова.

Дело было сделано, мы пошли на корабль.

Но возникало неожиданное препятствие. По старому пути возвращение оказалось невозможным. Лыжня разгела, и длины досок не хватало.

Пришлось пойти в обход. Тут нам помог Дюков. Побегав несколько минут по соседним льдинам, он нашел самый короткий и самый удобный путь. За ним пошли и мы. Через час все собрались у корабля.

— Можете идти спать, — разрешил Барсуков. — Когда закончим сборку самолета, наладим и проверим мотор, вас разбудят.

Усталые, мы еле дошли до коек. Я даже не помню, как заснул.

КАПРИЗЫ АРКТИКИ

Весь день детки и мехники работали над сборкой самолета. Мешал сильный ветер. Хотя самолет был прижат к льду, все же порывы ветра приводили к его сдвигу.

Сарана от корабля образовалась чистая вода. Она красиво рябила и сверкала на солнце. На снегу возле самолета лежали ярко-красные флажки для аэродрома, свисток Дусей и Верой в течение ночи. На льдине стояли разные ящики, бочки, лежали мотки проволоки, инструменты, чехлы; вокруг работали люди. Льдина имела вполне обжитой вид и совсем не походила на то действительно чистое поле, к которому мы привозились вчера вечером.

14 февраля впервые удалось поговорить с «Мурманом». Он, вероятно, был не очень далеко от нас. Капитан Котиков сообщал, что «Мурман» пережил жестокие штормы. У корабля были повреждены шпиготы. Однако это не мешало ему идти вперед. «Мурман» двигался в нашу сторону.

— Как только найдем льдину, — сообщил Котиков, — спустим самолет и начнем вместе с вами полеты в лагерь.

Самолет Восток спущен на воду.

Вскоре состоялся разговор с лагерем. Крекшель сообщает: «Хорошо видим ваш дым. Трое ушли аэродром».

Итак, трое ушли готовить аэродром. Эрист один остался в лагере. Кстати, мы заметили, что он отлучал не «трое ушли на аэродром», а «трое ушли аэродром». Он уже экономит каждое слово. Очевидно, здорово холодно в его ледовом домике.

Наши бортизмеханики работали не покладая рук. **ОДОКУССЕРА** две ночи. Орденоносный бортизмеханик Чагин показывал чудеса. На сильном проливном ветру он голыми руками перебирал мотор. Руки перепахались в бензине и масле. Металлические части были холодны, как лед. Пальцы застывали, не сгибались. Но мотор капризница — и Чагин не мог бросить работу.

Стиснув от боли зубы, он продолжал отвинчивать и привинчивать свечи, продувать трубки, менять части.

Вечером наше бодрое, радостное настроение улетело, как дым. Дувший в течение всего дня сильный ветер развел льдины, отогнал и утаил куда-то далеко наш аэродром. Наш аэродром! Сколько сил, сколько труда положили мы на него! Работали целую ночь, волевались, не спали. И вот...

— Это Арктика, — сказал Остальцев. — Она всегда так капризничает. Этого можно было ожидать. Не надо терять бодрости, веры и успех. В Арктике надо быть готовым к любым сюрпризам. Помните, я говорила, что двадцать пять миль в Арктике — все равно, что тысяча миль на Большой земле. То-то и оно...

Остальцев был прав. Но все-таки было очень обидно. Пропал день, пропал большой труд. Найдём ли мы еще одну подходящую льдинку? Да и время уходило...

Ветер усиливался. Надо было собираться в путь. Быстро завались мы за дело. Через час льдина опустела. Разобрали и подняли на борт самолет, всё снаряжение, доски, бревна... Власов ходил мрачнее тучи. Чагин чуть не плакал.

Зато Остальцев и Барсуков были даже довольны. Если льды развели здесь, значит, развели и дальше. Значит, легче будет пробиться. Значит, можно подойти ближе к лагерю...

«Таймыр» отошел от льдин и взял курс на станцию «Северный полюс».

ИГРУШЕЧНЫЙ АЭРОДРОМ

В ночь на 15-е снова появлялись звезды, и штурманы определили: до лагеря было около двадцати миль. Значит, за эти дни мы к плаванию почти не прибавлялись. В течение дня корабль продвигался на пять-шесть миль вперед, а за ночь его сносило дрейфом обратно. Последние мили оказались самыми трудными.

Гренландское море сопротивлялось из-за всех сил и не желало пропускать нас к аэродрому. Мы поняли, почему в этом районе зимой не был ни один корабль.

До шести часов утра «Таймир» сражался со льдами. Он кромсал их, раскалывая, расталкивая, возмездия на них. Но дальше идти было невозможно.

За ночь прошла не больше трех миль.

— Что будем делать? — спросил Барсуков, простоявший вместе с Остальцевым и Васковым всю ночь на носу.

— Летать, — живо отозвался Васков. — А вон и аэродром.

— Где? — спросил Остальцев. — Я ничего не вижу.

— Да вот же, вот! — торжествовал Васков. — Не особенно большой, но все же аэродром.

В ста метрах от корабля мы разглядели небольшую льдину. Это была даже не небольшая, а маленькая льдина.

— Да ведь она чересчур коротка, — сказала Остальцев, испытующе смотря на алаонский аэродром.

— Да, маловата, — смиренно улыбаясь, ответил Васков, — но взлететь сумею. Вероятно, признаем, посмотрим...

Через несколько минут мы шагали по новому аэродрому. Он был очень короток: на нем, кроме аэстрога, было много торосов и ропаков.

Васков сосредоточенно жерла шагами льдину, осматривался, видимо что-то прикидывая в уме.

— Взлететь можно будет, — заявил он. — Правда, придется как следует облегчить самолет, но я успею и уверю.

Опять занялась работа. Пришартовались к льдине, спустили фюзеляж, крылья, вынесли на лед аэстрогажеты. Одни стали собирать самолет, другие горячо занялись за расчистку аэродрома. Выбрав самую длинную линию льдины, мы начали выстругивать вдоль нее дорогу для взлета. Расколов торос или ропок, мы укладывали груды сверзивших на свету обломков зеленого и голубого льда на брезент, отталкивали от края льдины и сбрасывали в море. Углубления мы засыпали снегом и кусками льда. Постепенно льдина становилась гладкой.

— Это уже неплохой аэродром, — потирая руки, сказал Васков. — А знаешь, страсть как летать хочется! Вчера вот я забрался в бочку, на жиге. Посидел там немного, спустился вниз — легче стало. Чувствовал себя в бочке, как в полете.

— Ну уж ты оторвешься от такой короткой льдины? — спросил я Васкова. — Ведь ты не успеешь разбежаться и набрать нужную скорость.

— Успею, — ответил Геннадий Петрович. — Ты думаешь, она маленькая? Давно смерна.

Мы пошли на край льдины и стали отсчитывать шаги.

— Сто, сто одна, сто десять, сто пятнадцать...

Сто пятнадцать шагов! Это же очень мало!

СТАРТ

— А все-таки я влетаю, — сказал Власов. — С маленьким льдинкой приходилось подниматься, и ничего. Полету без штурмана, без механика, почти безжизненно израсходовав запас, поменьше всякого снаряжения.

Ночь пролетела незаметно. Все работало мушкетерски, и радость.

ДОКУМЕНТАРНО

К утру был пересмотрен и заново уложен власовский груз. Он взял с собой пальную лампу, резиновый амортизатор для запуска мотора, семь килограммов продовольствия — шоколад, сало, масло, сухари — и посылку для папанинцев. В папанинской посылке было сорок мандаринов, пять бутылок московского пива и письма от родных и друзей.

В полдень состоялся разговор с лагерем. Оттуда сообщали:

«Аэродром готов к приему ваших самолетов. Длина его четыреста двадцать метров. Он находится в двух километрах от лагеря, к югу. Ждем вас».

Папанинцам передали указание, как выкладывать посадочный знак в виде буквы «Т».

В четырнадцать часов тридцать минут всё было готово к полету.

Когда наступила решительная минута, наши овладели беспокойством. Перед Власовым стоял ряд труднейших задач: надо было взлететь с маленькой льдины, окруженной разводьями, разыскать без радио и штурмана лагерь папанинцев, совершить там посылку...

Особенно беспокоил нас взлет с такой маленькой льдины. А вдруг машина не оторвется и упадет в воду?

В это время зашумел мотор. Чигин сидел в пилотской кабине и регулировал работу мотора.

— Всё в порядке! — крикнул он сквозь шум винта. — Садитесь, Геннадий Петрович.

Чигин вылез. Власов сел в кабину, поправил шапку, куртку, рукавицы и дал полный газ. Мы из всех сил держали самолет за крылья. Винт ревел, как бешеный. Машина рвалась вперед, нас сбивало с ног сильной струей воздуха, но мы не выпускали самолета из рук. Мы должны были дождаться максимального напряжения мотора и выпустить машину только по сигналу Власова. Самолет трепетал в наших руках, как живой.

Власов взмахнул рукой, и мы отпустили крылья. Машина, взорвавшись, как конь, которого неожиданно хлестнули хорошей дозой, рванулась вперед. В несколько секунд она проскочила льдину и на самом краю оторвалась от снега. Власов сделал крутой поворот, проехал над нами, помахал рукой и взял курс к берегам Гренландии.

Мы стояли и никак не могли оправиться от волнения. Нам не

Механики заканчивали сборку самолета.

верилось, что всё обошлось благополучно, что Васьков в воздухе, летит к лагерю.

Остальцев отошел в сторону. Я приблизился к нему и увидел на щеке мальчанина слезу. Бессонные ночи, волнения, переутомление — нервы не выдержали.

— Знаешь, — сказал мне Остальцев, — когда он взлетал, я чувствовал, что слежу.

АМФИБИЯ «Ш-2»

Прошло много времени.

Мы всё еще стояли на льдине, обсуждая взлет Васькова. Вдруг кто-то спросил:

— Почему он возвращается?

— Да это не он! — воскликнула Чигин. — Это не «У-2», а «Ш-2».

Действительно, к кораблю приближалась амфибия «Ш-2».

— Это самолет с «Мурмана», — сказал штурман. — Больше ничего...

В это время Остальцеву подали радиограмму. Капитан «Мур-

жана» Котлов сообщал, что летчики Черевичный и Карабанов вылетели к лагерю папанинцев.

Слезав круг над «Таймыром», «Ш-2» ушел на северо-запад. Через несколько минут самолет скрылся в мутной дымке.

Погода портилась. Пошел снег. Он становился всё гуще и гуще. Видимость ухудшалась с каждой минутой.

Тяжелое настроение охватило таймырцев. Мы ждали, когда густой снег покривал нас сплошной белой пеленой, но мы не обращали на него никакого внимания. Приготовили дымовые шашки, чтобы дать сигнал Власову, если он покажется...

Но меры эти были приняты для очистки совести. Мы отлично знали, что в такой снег летчик не найдет корабля. Что же будет с Власовым, если он не увидит льдины для посадки?

Об этом страшно было подумать. И мы бродили, стараясь отвлечься от мучивших нас тяжелых дум.

Три часа продолжалась неизвестность. Затем мы связались по радио с «Мурманом», и оттуда нам сообщили:

«Власов из-за тумана не вышел лагеря. Вернувшись к «Таймыру», он не мог разглядеть его через густой занос снега. Тогда он полетел к «Мурману», где погода была лучше, и сел на льдину, к которой мы привязывались. Власов здоров, самолет в порядке. Черевичный и Карабанов еще не возвратились».

Еще через три часа с «Мурмана» сообщали, что «Ш-2» всё еще не вернулся.

— Может быть, они у Папанина? — высказали предположение товарищи.

Быстро связались с Кренкелем, но и в лагере самолета «Ш-2» не оказалось. Черевичный и Карабанов исчезли.

ГДЕ ЧЕРЕВИЧНЫЙ И КАРАБАНОВ?

Ночь прошла тревожно. Всё время шли переговоры между «Таймыром», лагерем «Мурманом». Звонкие корабли и замолчки тяжело переживали исчезновение летчиков. Папанинцы часто спрашивали «Таймыр» и «Мурман», нет ли чего нового.

После нескольких разговоров с Котловым Остальцев вызвал Кренкеля и сообщил ему:

— Мы решили действовать следующим образом: «Мурман» располагает отличным аэродромом. Поэтому возле него создается авиационная база. Оттуда Власов начнет полеты к лагерю и поиски Черевичного и Карабанова.

«Таймыр» будет двигаться по направлению к лагерю до тех пор, пока позволит льда. Если найдем подходящую льдину, также организуем аэродром и начнем полеты.

«Примем все меры к тому, чтобы найти Червинного и Карабанова. Товарищей в беде не оставим. Надеемся, что они будут найдены».

«Так будет правильно и хорошо», — ответила папанинца. — Надо обязательно найти Червинного и Карабанова. Ваш план одобряю. О нас не беспокойтесь, мы можем прожить на льдине еще три месяца, если не больше. С нетерпением ждем сообщений о ваших действиях».

День тонул тихо и монотонно и нудно. Погода стояла серая, мутная. За ночь нас сильно снесло назад, и пришлось опять пробиваться сквозь тяжелые льды, чтобы наверстать упущенное. Подходящих для аэродрома льдин не встречали.

Возле «Мурмана» погода была не лучше. Вязсов не мог вылететь из-за тумана и облаков.

И вдруг в восемнадцать часов Котлов сообщил:

«В 17 часов 50 минут летчик Вязсов и штурман Дорофеев на самолете «У-2» поднялись в воздух и взяли курс к лагерю Папанина».

В ГОСТЯХ У ПАПАННИНА

Вязсов направился к берегам Гренландии. Он пролетел над льдами и разводьями, пересек большую долину, закрытую густым туманом, и вышел к паковому льду¹. Попадались небольшие, сравнительно гладкие льдины.

«Где-то здесь должен быть Папанин», — подумал Вязсов и начал описывать круг. — Если даже не найду лагерь, Папанин увидит меня, сообщит потом по радио, в какую сторону от него я описывал круг, и тогда легче будет найти из льдины».

Машина наклонилась для вылета, и летчик вздрогнул от неожиданности: внизу темнела папанинская льдина. Вязсов повернулся и увидел, что Дорофеев высунулся из кабины и рассматривает лагерь.

— Садись — вылезайся! — закричал Вязсов сквозь шум мотора и замахал рукой. — Садись, говорю! — продолжал он воить, хотя Дорофеев его не слышал.

Историческая льдина резко отличалась от окружающих более темным цветом. Утоптанная и окаявленная, как заборос, торосная, она походила на обжитой крестьянский двор, принадлежавший хорошему хозяину. На палках, лыжах и веревках висели разные мелкие и шерстяные вещи, шкуры медведей. Маленький поселок состоял из двух палаток и ледяного домика. Тут же стояли ветряк, радиомачта и флаги. Возле одной из палаток стоял на треножнике киноаппарат. Припав к нему, Папанин с увлечением снимал.

¹ Паковый лед — выветренный арктический лед.

Папанин с увлечением снимал самолет Власова.

— Да вы поглядите,—ответил Дорофеев,—они и наметник здесь поставили.

И он показал на высокий обелиск, стоявший у края аэродрома.

Власов выпрыгнул из машины и пошел к ледяному обелиску. На нем были вырезаны слова:

АЭРОПОРТ «СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС».

Дорофееву тоже хотелось выскочить из самолета и взглянуть на монумент, но он не мог уйти от машины: летчик не заглушил мотора, чтобы потом не возиться с запуском.

Лишь секунду смотрел Власов на обелиск. Он увидел безымянного Папанина и бросился к нему навстречу. Задаваясь от необыкновенных чувств, они обнялись, прижались друг к другу, замерли...

— Первый человек, советский человек,—с трудом прохрипел наконец Папанин и вдруг оживился:—А я тебя снял на кино... Позволь, да кто же это в кабине? Дорофеев? Ну, пойдем к нему... Пойдем, пойдем! Да ты чего молчишь, а?

— Волнуюсь,—ответил Власов.

— И я волнуюсь. Думаешь—просто увидеть человека?..

Паванин крепко жмёт руки Дорофеева и спрашивает:

— Что с Черевичным? Жив, убился, ранен? Как он одет? Сколько продовольствия?

— Черевичный и Карабанов, конечно, живы — ответил Власов. — Я обещаю их найти и доставить на корабль. Обещаю.

— Обещаны? Ну, молодец! Смотри же, никак: не найдёте мужичков, вам придётся заплатить штрафов. Слышишь?

Паванин говорил горько, осмысленно. Власов и Дорофеев его глаза смотрели на этого необыкновенного человека: прожил на льдине девять месяцев и вовсе не думает о том, чтобы поскорее расстаться с ней, а заботится о других людях!

Власов раньше не встречался с Паваниным. Теперь он сравнивал его лицо с портретами, напечатанными в газетах и журналах. Иван Дмитриевич заметно похудел, лицо его обветрелось, покраснело. Он был одет в меховой костюм, меховые сапоги.

— Где все были? — спросил Власов.

— Крепёжь в лагере. Петя и Женя ушли к лебедке, километром за семь. Ее ведь оторвало и унесло... Да ты чего молчишь? — выбросил он на заслужившего Власова. — Рассказывай, рассказывай!

И он засыпал его вопросами о Москве, о работе, о друзьях, о родных. Потом он стал расспрашивать Власова о «Таймыре», «Мурмане», о возможности подхода кораблей ко льдине.

— Лучше снимать станцию кораблями. Мы не хотим оставлять наше имущество на льдине. В крайнем случае, конечно, придется на самолётах... Но и то лишь после того, как будут найдены Черевичный и Карабанов. Ты ведь обещаешь, смотри же...

Затем, приняв деловой вид, Паванин сказал:

— О наших грузах вы не беспокойтесь. Сами перетащим их на аэродром. Правда, сюда трудно находить дорогу, но мы поставили на пути вехи...

И Паванин показал на ряд палок, втынувшихся от обелиска по направлению к лагерю.

Власов посмотрел на палки и подумал о том, как неутомимы и деятельны эти люди...

— Да! — вспомнил он. — Ведь вам послышка... Совсем забыл... И он вытащил пакет. — Вот пиво, мандарины и письма от таймырцев... И еще переданы вам приветы, много приветов — от москвичей, таймырцев, мурманцев — словом, от всей страны...

— Ну, ладно, — сказал растроганный Паванин, — уже темнот, улетайте... И не забудьте о Черевичном...

— Не забудем...

— Ну, прощай!

Обнялись. Долго держали друг друга в объятиях...

Потом Паванин еще о чем-то спросил. Было очевидно, что не хочется ему расставаться с гостем. Власов ответил, Паванин опять задал вопрос. Еще одно объятие, крепкое, дружеское. Власов вы-

Поланка и Власов на льдине.

рывался, бросался к машине, залез в кабину, дал газ, взлетел, помазал рукой Паланку и полетел к лагерю...

Там возле ледяного домика стоял Кренке. Власов летевший низко, направился прямо к нему, словно желая на лету обнять его и расцеловать. Сердце стало легким, душа радостной, летчик вспомнил молодость, вспоминал, как когда-то бавовался в воздухе.

«Не могу позвать Кренке-лю руку, так самолетом выражу свои чувства», подумал Власов, проделав над головой Кренкем что-то головокружительное и улетел. Он удалился от лагеря, и душу его обурывали самые разнообразные чувства. Он улетал, унося с собой радость встречи, горесть расставания, стыд за свое мальчишеское повеление в воздухе.

Через полчаса Власов сел на аэродром у «Мурманка». Было почти темно.

РАКЕТЫ

В три часа ночи на «Тайфуре» раздался возглас нахтенного: — Ракета! Ракета!

Откуда могла явиться здесь, в Гренландском море, ракета? Это было удивительно. Капитанский мостик сразу заполнился людьми.

— Еще, еще ракета! — закричал наш боец. — Глядите сюда!

Действительно, с правого борта, довольно далеко от корабля, вылетала к небу светлая точка.

Остановившись на вершине полета, она вспыхнула зеленым огнем, и таким же зеленым свержающим пятном пошла вниз.

Вслед за зеленой ракетой вспыхнула красная, потом опять зеленая.

— Маль за десять отсюда, — высказал кто-то вслух свое предположение.

— Что ты — десять, — возразил Чагин, — тут добрых двадцать.

Разгорелся спор о расстоянии.

«Чьи же это ракеты?» — подумал я. — Неужели Черевинного?»

Больше ракет не было. Мы простояли на палубе до тех пор, пока стало светать. Корабль всё время приближался к стороне, где вспыхнули ракеты, но тяжелые льды не пускали нас... За ночь приближаясь не больше двух миль.

Когда на горизонте расплзлась широкая светлая полоса, мы спустились вниз и зашли в каюту Остальцева, который собирался веного поспать.

В этот миг в дверь постучали. Вошел Барсуков.

— Руль, — сказал капитан, — руль...

ДОКУМЕНТАРНО

РУЛЬ И ВИНТ

— Что руль? — резко спросил Остальцев. — Что случилось?

— Руль поврежден, — ответил Барсуков. — Мы отходим от тяжелой пережычки и нагнулись кормой на подводный выступ большого ледяного поля. Руль сломан... Меры приняты, хотя починить будет трудно...

Положение становилось серьезным. Корабль был обжат льдами, воланомы не могли спуститься в воду и заняться починкой руля.

На палубе стояли группы зжурных людей.

— Что же это такое? — нарушил тишину боцман. — Так мы к ним и не подойдем?

— Да, — вздохнул Чагин, — дело плохо! И льдины для аэродрома подходящей нет... Придется, видимо, ждать, пока «Мурман» снимет пананенцев и придет к нам на помощь...

Таймыры были в отчаянии. Куда годится корабль без руля!

— Хотя бы льды разведал, — негромко сказал один из водолазов: — можно было бы посмотреть, что там такое.

Слова его несколько подбодрили всех. В самом деле, если льды разведал, водолазы сумеют извлечь за дело и исправить руль. Значит, сейчас дело за ветром.

— Вставайте, вставайте! — будил в каюте сивонтика¹. — Ветер будет?

— Какой ветер? Откуда ветер? — спрашивал сонный сивонтик. — Зачем нам ветер?

Проснувшись и узнав, в чем дело, молодой ученый, отличавшийся предсказыванием погоды на протяжении всего плавания «Таймыра»,

¹ Сивонтик — научный работник, занимающийся изучением погоды. Получая сведения о погоде на различных постах ледяного моря, он определяет, какая погода будет в ближайшем будущем.

важлся за дело. Он получил у радистов метеоисходки, внимательно прочитал их, взял свою бедную синоптическую карту и стал наносить на нее разные цифры, флажки, кривые линии.

— Ветер будет, — сказал он наконец, — и довольно сильный...

— А когда? Скоро? Нам надо поскорее, — горючилась старший механик «Таймыра».

— Тебе, может, точно указать минуту и секунду, **ТОБРУСОВА** мется ветер? — улыбнулся синоптик. — Пока наука этого еще не может. Но ветер будет — и будет скоро...

И в самом деле, около полудня подул сильный ветер и развел льды вокруг «Таймыра». Началась упорная работа. Волованы надели свои неуклюжие костюмы, шлемы и спустились в воду. На корме работала помпа, подкапывая им воздух. Четыре часа шла починка руля. Вдруг старший механик побскал с кормы на капитанский мостик.

— Малый, вперед! — скандовал он.

«Таймыр» плавно двинулся вперед.

— Право на борт!

И корабль повернул вправо.

— Товарищ начальник, — докладывал через минуту механик Остальцеву, — руль в порядке, можем идти дальше.

— Спасибо, товарищи, — ответила Остальцев, — благодарю вас и от своего имени, и от имени всех участников экспедиции, и от имени папанинцев...

— Товарищ начальник, — сказал старший механик, — всё это хорошо, но у нас еще одна неприятность, и довольно большая... Во время починки руля установили, что поломан винт. Правда, мы можем идти, но не через тяжелые льды.

— Значит, — спокойно сказала Остальцев, — если будут полынья, мы пройдем. Если же лед будет крепкий, мы будем стоять на месте.

Наступала тишина. Остальцев постоял минуту в раздумье, потом пошел в радиорубку. Вскоре он говорил по радиотелефону с Власовым.

— Так пойми же, Геня, — сказал начальник, — руль еле держится, винт почти выбыл из строя. Сами во льдах не пройдем. Нам нужно провести по разводям. Понял? Ну, прощай.

Остальцев положил микрофон.

— Власов нам поможет.

САМОЛЕТ НАЙДЕН

Утром Власов, помня слово, данное Папанину, вылетел на поиски Черевичного.

Перед вылетом он вместе со штурманом Дорофеевым разбил район поисков на секторы.

— Будем обшаривать каждый участок, — сказал Власов. — Судя по ракетным огням, они должны быть недалеко.
И поиск начался.

Упорно, сектор за сектором обследовал Власов. Он тщательно осматривал каждую льдину, на которую мог сесть самолет. Двигаясь, возвращаясь он к «Мурману», наливал в баки бензина и снова выдвигался. Наконец, пройдя к северо-западу тридцать миль, он вырвало, к более сплоченному льду. Внезапно на одной льдине он заметил черную точку.

«Должно быть, самолета», подумал Власов. Он махнул рукой Дорофееву и полетел по направлению к льдине.

Подлетев ближе, он увидел еще две точки, которые двигались от края льдины к центру.

«Это они, — мелькнуло в голове летчика. — Молодцы, что бегут. Заметно. А то обычно стоят на месте и машут руками — мол, мы здесь. А кто сверху увидит, что машут, когда вообще кажется, что это букашки какие-то?»

Внизу на льдине стоял самолет. Черевичный и Карабанов, добегая до центра поля, легли на снег, образовав телами букву «Т», чтобы показать направление ветра.

Власов сделал круг, сел и вышел из машины.

— Здорово замерали?

— Нет, не очень.

— Еда есть?

— Почти нет, — ответил летчик и тут же спросил: есть.

Власов и Дорофеев, отдав им продовольственный пакет, пошли осматривать самолет «Ш-2».

— Машина в порядке, — крикнул Черевичный, — только мотор не запускается — замер!

Несколько раз четверою пробовали запустеть мотор, но он не работал.

— Жалко машину бросать, — сказал Дорофеев, — но ничего не поделаешь: надо улетать. Может, потом подберут.

— А как полетим? — спросил Власов.

— Один взлет к штурману, — ответил Карабанов, — другой лажет на крыло...

— Нет, на крыле не солидно, — сказал Власов. — Давайте по очереди.

И отважный летчик, сняв с «Ш-2» наиболее ценные предметы, увез на «Мурман» Карабанова. Вскоре он вернулся и забрал Черевичного.

Пролетая к аэродрому, Власов увидел адмирала дым «Таймыра» и вспомнил разговор с Остальцевым.

«Надо помочь», подумал он и повернул к «Таймыру». Он прошепел низко над кораблем, помахал товарищам, столпившимся на палубе, и рукой показал направление.

— Сюда, сюда! — кричал он, хотя его никто не мог услышать. — Здесь разлодь...

Таймирцы появились, закричали «ура», замахали шапками, рукожланями. Натужившись, корабль загудел оснанием баском, приветствуя своего летчика.

— Правильно, правильно, — приговаривал Власов, наблюдая за продвижением корабля и показывая ему дорогу. Потом о Черевинном. Он посмотрел назад и увидел, что спасенный товарищ дрожит от холода.

«Партень совсем замерз», подумал Власов и улетел к «Мурману».

«Таймир» проходил между льдинами.

ВЛАСОВ ВЕРНУЛСЯ НА «ТАЙМИР»

«Черевинный и Карабанов на борту «Мурмана», — докладывал Власов по радио Остапцыну. — Сейчас сообщим об этом Папанину. Механики исправляют самолет. Скоро вылету к вам на помощь».

И действительно, вскоре после разговора мы увидели маленький самолет Власова. Он не расставался с нами до наступления сумерек. Целых четыре часа летал Власов над кораблем и проводил его по разлодьям между тяжелыми льдами. Геннадий Петрович оказал нам неоценимую услугу. Вряд ли без его помощи сумел бы пробиться «Таймир» со своим сложным винтом.

Мы с восхищением смотрели на работу неутомимого летчика. Как много успел он за последние сутки: нашел в безбрежных ледовых просторах стацию «Северный полюс», побывав в гостях у Папаннина, спас двух товарищей, помог «Таймиру» пройти во льдах...

— Молодец Власов! — сказал Барсуков, глядя на круживший над кораблем самолет Власова. — Замечательный летчик и замечательный человек!

У Власова, очевидно, кончился бензин.

Он сделал крутой поворот и улетел к «Мурману».

«Таймир» потихоньку двигался в разреженных льдах. Темнело. И вдруг мы еще раз увидели Власова. Он шел прямо на нас и снижался. В километре от корабля он нырнул вниз и сел на какую-то льдину.

Мы пошли в ту сторону и увидели маленькую льдину, на краю которой, упершись в торос, стоял самолет. Власов стоял на торосе и ждал корабль.

— Ура Власову, ура нашему герою! — закричали на носу корабля, и все подхватили этот возглас. Шапки полетели вверх, ледокол загудел радостно и приветственно.

Через минуту мы прыгали на лед и обнимали Геннадия Петровича, который смущенно отмахивался от нас:

ДОКУМЕНТА

Генерал Пётр Vласов.

— Вы наивните, что так, без предупреждения, прыгаете. Очень хотелось домой, на «Таймыр»... И еще наивните... немного машину поворедил... Сел, понимаете, самолет бежит, а я вижу — ледник изливается, сейчас свалюсь в воду. Ну, а я повернул на торос. Он меня остановил, но и крыло поломал.

Власов огорченно посмотрел на порванный лонжерон.

— Ничего, Геннадий Петрович, — успокаивающе сказал ДОКУСОВЕРА
это пустяки, в два счета починим...

Быстро был поднят самолет на борт.

Стало совсем темно. «Таймыр» остановился, боясь идти ночью, чтобы не доложить винт.

Власову не дали отдохнуть, усадили в кают-компанию и заставили рассказывать о чудесном полете в лагерь, о Папанине, о розысках Черевитного и Карабанова.

Потом Власова потащили в столовую команды, и там он повторил свой рассказ. Затяну дыхание, матросы и коменгары слушали Власова, а когда он рассказывал о последней посадке и о столкновении с торосом, один матрос, возмущенный храбростью летчика, сказал горько:

— Пожалеуйте, товарищ Власов, больше на маленькие ледники не садитесь...

Все рассмеялись, и Власов ушел спать.

Всю ночь работали в механической мастерской инженер Брыцалов и бортмеханик Чигин. И утром, когда Власов встал, он увидел, что самолет исправлен. Он старался найти, где было повреждение, но не смог. Самолет был как новый.

УДАР ПРИКЛАДОМ

Оставшись рассказывать, лежал на животе. Спина его была обморожена, и корабельный таймырский врач усердно растирал ее скинлидом.

— Меня ударил прикладом по спине. Я почувствовала ужасную боль и потеряла сознание. Я пришла в себя от удара в бок. Чех-офицер стоял надо мной. «Лежачиха не бьем», — сказал он. — Вставай! Я напряг все силы и встал. Тогда чех выстрелил в меня. Из шен брызнула кровь. Я упал. Он решил, что я мертв, и ушел... С тех пор остался шрам на шее и поврежденный позвоночник, который сейчас болит...

Последние дни начальник экспедиции провел на вершине мачты, в бочке. Он просиживал в ней целые сутки и спускался вниз лишь затем, чтобы написать доверенные, оттереть занедвешенное лицо и выпить горячего чая.

Сидение в бочке не прошло даром. Ни кожаное пальто, ни мех, ни шерстяной свитер не спасли от пронзительных арктических вет-

рой! Санну продуло, и занял тот самый позвонок, по которому пришлось удар чешского приклада. Потом санну провизвало острой болью в спину. Пришлось лечь.

Вот почему Остальцев вспомнил о своем прошлом, о гражданской войне, о слухан, который с ним произошел на Дальнем Востоке.

ОГОЛЬ

ДОКУМЕНТАРИЙ

17 февраля, вечером, когда Власов вернулся на «Таймир», мы подошли к лагерю довольно близко: до льдины было не больше восьми-десяти миль.

Ночью корабль стоял, и дрейф отнес нас от льдины на юго-восток. Утром штурманы определялись, и оказалось, что за ночь нас отнесло примерно на двадцать миль.

— Терпение, лопатки, — ворчал биолог Рудakov, собравшийся лечь в бочку — указывать сверху разломы и трещины во льду. — День бьемся, а за ночь всё намарку... Вот проклятый дрейф!

Остальцеву врач приказал лежать. В бочке его заменил биолог. Перед тем как занять свое высокое место, он пришел к начальнику в каюту.

— Смотрите во-всю, — сказала Остальцев, — берегите корабль. Ведь теперь нет особенной нужды пробиваться вперед — близко «Мурман», и в крайнем случае он саммет плавнишка... Но за каждый удачно поданный с мачты совет вам будет выдаваться конфета...

— Конфет возматит, — ответил биолог и ушел наверх.

Весь день простаивал он в бочке и неполохо указывая кораблю путь. За день мы почти намертали упущенное. И это было очень хорошо, потому что Кренкель сообщил по радио:

«Наш аэродром сломало и унесло. Самолетам сесть негде».

Единственная надежда оставалась на то, что корабль подойдет к ледовым льдам вплотную.

Вечером на горизонте отчетливо вырисовался корпус «Мурмана». Он сильно дымил и довольно быстро двигался наперекрест нашему пути. С каждым часом он всё приближался, и в одиннадцать часов вечера оба корабля были на расстоянии одной мили друг от друга.

В темноте красиво сверкали красные и зеленые сигнальные огни обоих судов. По снегу бегали мощные лучи прожекторов «Таймара» и «Мурмана». Было оживленно, как будто мы находились не в Гренландском море, а где-то в порту.

Остальцев встал с постели, пошел в радиорубку и долго беседовал с Котиковым.

— Будем идти вместе, — говорил он, — стараюсь как можно ближе подойти к льдине. Пойдем даже на то, чтобы замерзнуть в ледовый лед и дрейфовать вместе со станцией «Северный полюс», хотя бы в нескольких милях от нее. Я не опасюсь замерзнуть, потому что

«Ермак» уже между Исландией и Ян-Майеном, завтра — послезавтра будет здесь и выручит нас из тяжелых льдов. С другой стороны, если вмерзнем, нас не отбросит большой дрейфом, как это было в последнего похода...

— Отлично, — отвечал Котиков, — вместе лучше, а если придет «Ермак», еще лучше будет. Ити вместе веселее...

Мы не дослушали Котикова. На мостике раздавался дикторский голос:

— Огонь, огонь!

— Неужели горим?! — ахнул Остафьев и выскочил на палубу.

ДОКУМЕНТАРИЙ

ФОНАРЬ ПАПАНИНА

На палубе никого не было. Капитанский мостик был завружен людьми. Люди вносили на вантах¹, стояли на шлюпках. Все смотрела вверх.

Недалеке горел фонарь.

Это был фонарь Папанина.

Как замороженные, смотрели мы на желтенькое пятнышко, мигающее и расплывавшееся в мрачной темноте.

Это было ровно в полночь.

Озаренные северным сиянием, шли у неприступных берегов Гренландии два советских корабля. Недалеке плыла советская дрейфующая станция «Северный полюс».

Мы очнулись от оцепенения, закричали: «Ура! Ура! Ура!» Загудели корабли.

— Как в сказке, — подошла штурман.

— Да, но эту сказку, к сожалению, нельзя снимать! — с горечью воскликнул фотокорреспондент. — Как мне не везет: не могли мы встретиться днем!

— Так днем же не было бы видно фонаря, — пошутили товарищи. Все рассмеялось.

Огонек продолжал мигать. Он лез к нам и манил к себе. Но мы не могли двигаться в его сторону: разводя шпан параллельно кромке.

— Надо ити на юг, — сказала Власова, — там я видела полянку, которая приведет нас к лагерю.

И мы пошли влево, чуть удаляясь от огонька.

Радисты стали вызывать Кренделя.

Я стоял в дверях радиостанции и никак не мог освоить всего, что мы пережили за последние дни и особенно за последние часы. У меня в голове проносились картины: шторм, льды, сложенный руль, полеты Власова, исчезновение Черевичного, встреча с «Мурманом», ракета, фонарь Папанина... Как много событий за несколько дней!

¹ Ванты — ошты для разбивки льдов на маче.

ДОКУМЕНТАР

Где-то впереди лодка Папанина...

Как бы не забыть, всего этого, как бы сохранить эти события в памяти или в записной книжке.

Я оспариваю, когда Овсянников говорит:

— Ванюша, Эрнст, дорогие братки, стою сейчас на мостике и хотел за вас прыгнуть, к вам побежать... Еле удержался...

«Отлично вижу вас, отлично слышу ваши гулаи, — отвечал Паранн. — А выплыл ли вы уже на чистую воду, которую к вам привезли?»

— Нет еще, но вы ни о чем не беспокойтесь. Обо всем договоримся...

«Я слышала, всё слышала, — прервала Папанин. — всё правильно решено. А как ты думаешь — удастся сечь кораблями?»

— Конечно, удастся. Теперь я уже уверен. Положим еще банж, дойдем до непроходимых льдов, спустим человек по сорок с каждого корабля и пойдем к вам. Всё заберем, ничего не оставим... А если и не удастся банжо подойти, будем работать тремя или четырьмя самолетами. Машины будут летать каждые полчаса, будут работать, как комочки, и всё перевезут...

«Аэродром-то разбито, — сказал Папанна, — ты не забывай об этом. Принять самолеты не можем. Так что только кораблями...»

— Ну ладно, ладно. Сложим кораблями... Пока идите спать, спокойной ночи. Чувствую, что завтра обниму вас, что будем вместе.

«Благодарю вас, товарищи, — ответил Папанин, — благодарю крепко, дорогие боляки, можете спать, спокойно вам спать.»

Вот ближе и ближе «Мурман». Вот мы уже достали его, идем
разом, перегоняем. Капитан кричит:

— Привет, Иван Федорович!

— Привет, Борис Дмитриевич! — отвечает Котлов.

— Как в школе — говорит на сцене фотокорреспондент.

= Но эту ошибку нельзя считать: — ПОДРАЗУМЕВАЮТ ЕГО.

Мы идём вперёд. За нами «Мурман». Два советских корабля спокойно идут в таких местах, куда ни один корабль еще не заплывал в это время года.

Мы идем по черной реке, окаймленной красными снежными берегами. Иногда «Таймыру» приходится раздвигать белые берега. Тогда вспоминаем, что это море, что это льды, что мы в Арктике.

Сейчас на корабле никто не спит. Внизу — только вахтенные, котелщик и механик. Остальные наверху — кто на мостике, кто на вантах, кто на носу. То и дело снизу прибегает полуголый туманый котелщик — взглянуть на заветный огонек Папанина и на идущий следы «Мухомора».

Наконец подошла к большим льдинам, остановилась. Недалеко стал «Мурман». Остальные и Барсуков сошли на лед и отправились в гости к Котлову.

Мы освещали нашим прожектором палубу «Мурмана». Оттуда

«Мурман» и «Таймир» подошли к краю льда.

заливали светом нас. На обоих кораблях собрались группы людей. Мы кричали:

— Слыхие газеты есть? Что пишут? Какие новости?

С «Мурмана» нам отвечали:

— Какие новости у нас?

Сыпались приветствия; шутки, громко читали привезенные письма. Замечательные дела творились в Арктике!

Незабываемые дни пережили мы.

«ЗДРАВСТВУЙТЕ, БРАТЯ РОДНЫЕ!»

«Мурман» и «Таймир» подошли к краю тяжелого пакового льда почти одновременно. Среди безбрежных ледяных равнин был виден лагерь знаменитой станции «Северный полюс». Через несколько часов станция должна была прекратить свое существование. Лагерь был на расстоянии около двух километров от нас. Уже без бинокля можно было разглядеть флаги, ветряк, радиомачты. Вот и ледовый городок, к которому мы так горячо стремились все эти дни.

— На лед! — раздается команда.

Выстраиваются две колонны, по сорок человек каждая, во главе которых становятся Остальевы.

Длинная цепочка потянулась к лагерю. Беглым шагом, торопясь, мысленно считая расстояние, остающееся до лагеря, шаг за шагом вперед неутомимо перебираясь через торосы, прыгая через трещины, спотыкаясь и скользя. Мы спешили к станции, которая издали напоминала раскраску, сделанную черной тушью на снегу.

Мы не дошли до лагеря. Нас встретили на дороге четыре героя. Папанины не успели опомниться, как их подхватила **ДОКУСОВА** крики «ура» начали качать.

— Здравствуйте, братья родные! — сказал Иван Дмитриевич, и голос его дрогнул.

— Смирно! — раздалась команда.

Всё стихло.

— Товарищи депутаты Верховного Совета, — чеканил каждое слово, сказал Остафьев, — по приказу правительства корабли «Таймыр» и «Мурман» прибыли в ваше распоряжение. Жду приказаний.

— Присутствуйте к снятию станции «Северный полюс», — ответил Папанин.

— Ура Папанину, ура! — закричали моряки и тесным кольцом окружили четверку героев.

Зимовщиков подбрасывали вверх, крепко обнимали, горячо целовали, с любовью всматривались в их лица, потом опять подбрасывали и опять целовали и обнимали. Они совсем растерялись. Наконец Папанин вырвался из дружеских объятий, вышел на снежный пригорок, на котором развевался флаг с надписью «СССР», и заговорил горячо и возмознованно. Пожалуй, сегодня Папанин возмозновался больше, чем девять месяцев назад на полюсе, когда, когрозмоудясь на парты, он тоже говорил речь, обещая высоко держать знамя родины.

Папанин говорил:

— Мы, четверка советских граждан, приветствуем вас, славный экипаж кораблей. Своим упорством, настойчивостью вы еще раз показали всему миру, на что способен советский человек.

«Девять месяцев мы работали здесь, выполняя задание партии, правительства и родного, великого Сталина. Спокойно, уверенно вели мы свою работу, начиная с вершины земного шара, куда некогда стремился человек и где впервые удалось высадиться только советским гражданам.

«Невольно задумаешь вопрос: может ли советский человек где-либо провалиться? Заботы нашей страны показали, что нельзя; мы были уверены, что, когда наступит время, за нами придут, — и вот мы пришли.

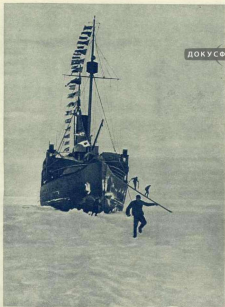
«Во имя Сталина, родного, великого вождя, крикнем громкое «ура»!

Громозаки «ура» ответили моряки Папанину. Зимовщики выхватили револьверы и дали дружный залп в воздух.

От имени участников экспедиции Папанину ответил Остафьев:

— Партия и правительство поручили нам снять героев-папанинцев. Мы выполняли задание и гордимся этим. Мы рады доставить наших

ДОКУМЕНТАР

Таймерис спускается на лед.

Команда вернется на думу к лагерю.

родных друзей на Советскую родину. То, что сделали мы, это не много; мы способны сделать неизмеримо больше. Если потребуется, мы отдадим для дела родины и партия свою жизнь. Да здравствует наш вождь товарищ Сталин! Да здравствуют наши герои-паннинцы!

После митинга дождь стал показывать нам лагерь.

Они почти не изменились, мужественные покорители Северного полюса. Они были одеты в те же костюмы, в каких мы оставили их на полку шестого июня прошлого года: в черные блестящие рубашки, в штаны, подбитые мехом. Их прокопченные лица дышали здоровьем и бодростью. Паннин гладко выбрился, он немного похудел, но остался таким же живым, быстрым. Он энергично здоровался с друзьями, тряс руки, отвечал на приветствия.

Ширшов и Федоров, видимо, только что побрились и при этом нелепо порезались. Оба они хлопотали возле живой палатки, укладывали последние вещи, разбирали ветряк, метеорологическую будку.

ПРОСЛАВЛЕННЫЙ РАДИСТ

А Кренкель? Где же этот прославленный радист, связавший историческую льдину со всем миром?

Кренкель стоял у своего снежного домика. Глаза его покраснели — всплакнулся от бессонницы, от ветра. О чем думал Эрикс? Вероятно,

ДОКУМЕНТАР

Нас встретили герои.

Паванин и Остапчук обнялись.

ему было грустно расставаться со своей радиостанцией, с которой он так сработался...

Снежный домик радиостанции Кренкеля привлекал всеобщее внимание. Десятки людей стремились к нему. Но маленький домик мог вместить только одного гостя. Кренкель отдал предпочтение мне, единственному человеку, вторично посетившему льдину Паванина.

— Заходи, — сказал Эрист, — будь моим первым гостем.

С огромным волнением спустился я в радиобудку. На снежном пороге стояли карты. На них были смонтированы радио. Тут же, воле радиоприемника, лежал исторический радиожурнал Кренкеля, заряженный револьвер системы «Нагана», карандаш и пачка табаку.

— Ну, садись, — пригласил Кренкель.

Я пригнулся на снежном ящике.

— Спрашивать буду я, — сказал Эрист и засыпал меня кучей самых разнообразных вопросов.

Но вдруг полутемная радиобудка озарилась светом: столпившиеся вокруг люди потеряли терпение и сорвали брезентовую крышу. Теперь мы остались сидеть в свежей яме. В это время подошел Паванин. В руках у него был текст радиogramмы.

— Это товарищу Сталину, — сказал Паванин.

Шаршов, Федоров и Кренкель по очереди подписывали рапорт. Затем Эрист стал передавать последнюю радиogramму с дрейфующей льдины.

Воцарилась тишина. Все с напряжением слушало телеграфную дробь радиопередатчика, как будто понимали значение точек и тире¹, которые выстукивала Кренкель.

«Безгранично счастливы, — выстукивала Эрист, — рапортовать о выполнении порученного нам задания. От Северного полюса до 75° северной широты мы провели полностью все исследования и собрали ценный научный материал по дрейфу льда, гидрологии и метеорологии, сделали многочисленные гравитационные и магнитные измерения, выполнили биологические исследования».

С 1 февраля, когда на 74° наше поле разломилось на части, мы продолжали все исследования в этих условиях наблюдения. Уверенно работали, ни минуты не беспокоились за свою судьбу, зная, что наша могучая родина, посылая своих сынов, никогда их не оставит. Горничная забота и внимание к нам партии, правительства, дорогого товарища Сталина и всего советского народа непрерывно поддерживали нас и обеспечивали успешное проведение всей работы. В этот час мы покидаем лодку на координатах 70°54' южной, 19°48' восточной, пройдя за 274 суток дрейфа свыше 2500 километров. Наша радиостанция первая сообщила весть о завоевании Северного полюса, обеспечивала надежную связь с родиной и этой телеграммой заканчивает свою работу.

Красный флаг нашей страны продолжает развеиваться над ледяными просторами.

Папанин, Кренкель, Шаршов, Федоров.

«Северный полюс», 19 февраля, 15 часов 35 минут».

Кренкель работал одним пальцем. Когда палец утомился, он начинал работать другим. Нельзя было без волнения смотреть на эту черную, прокопченную, замерзшую руку. Вдобавок Эрист позвонит обирая ее кинитком, и на тыльной стороне краснела большая рана.

Окончив передачу рапорта, Эрист отступал последние слова:

«Всем, всем, всем. Заканчиваю свою работу. Кренкель».

Потом он встал, подошел к стенке из свежих кирпичей — очень тонкой, почти прозрачной стенке — и выжал из нее плечом. Стенка рухнула.

— Это аварийная стенка, — сказал Кренкель. — Сейчас выведем радиостанцию.

Радисты «Таймыра» и «Муромца» ухватились за парты, на которых стояла радиостанция, и вытянули их из радиорубки.

¹ Точки и тире — условные обозначения в телеграфной связи, которые имеют буквенные значения. Это буквы алфавита, буквы Морзе. В радиотелеграфной связи — парочки, парочки букв, тире — пропускательный.

Рапорт товарищу Сталину.

— Совсем как автомобиль «Скорой помощи», — сказал Кренкель. Потом он осмотрелся, нагнулся, что-то поднял с полу, выпрямился и вышел из своего дома, исторического радиодома станции «Северный полюс».

Три стенки этого дома вдруг стали выглядеть как-то иначе, совсем сиротливо, как будто никогда не согревало их дыхание человека.

НАПАВНИНСКАЯ ПАЛАТКА

В июне прошлого года, когда воздушная экспедиция прилетела на Северный полюс, на большой ледине раскинулся целый город. Четырнадцать палаток образовали подобие улиц, и мы даже дали им названия: Самолетная, Советская. Была и площадь — мы назвали ее Красной площадью Северного полюса.

Юрий Теодорович передает последнюю радиопередачу.

Жужжал ветряк, свистел в антеннах ветер. Багрянелись на солнце шелковые стяги. Крутом ходила лодка. Это был город во льдах. И в центре его стояла большая черная палатка... Это был основной дом папанинцев.

Прошла почти год с тех пор, как была выстроена эта палатка.

И вот когда 19 февраля мы спрыгнули с борта «Таймира» и побежали к лагерю, я сразу заметил, что черной палатки нет. Куда исчезла она? Как изменилась без нее папанинский лагерь?

Тихоно осмотрелся в лодку — палатки не было.

Она опустелась, вернее, ее засыпало снегом, и крыша ее сравнялась с вершинами покровов льда.

Папанин принял людей к большому сияющему холму и сказал:

— Ковайте, братки!

Стали ковать. Ковка снега летела в стороны. Холм становился всё меньше и меньше. И вдруг лопата ударилась о что-то твердое.

— Осторожнее! — закричал Папанин.

Из-под снега показались вершины крыши. Это были знаменитая папанинская палатка. Но полярные ветры, снега, метели, пурга наме-

Наход ската полярной палатки.

нил цвет брезента. Он стал серо-грязным. Скаты крыши были запятнаны подтеками. Скоро из-под снега показались стены. Мы увидели на них хорошо сохранившиеся серебряные буквы: «СССР. Дрейфующая станция Галасеморпутя».

Как только в снегу образовалась трещина, мы поспешили забраться в дом. Солнце с трудом пробивалось через плазмониторы, еще не совсем очищенные от снега. Койки были согреты. Холод запустился охватил нас.

1 февраля, когда под палаткой протянулась трещина, женщины спешно перестлали и перенесли меха и спальные мешки на новую квартиру. Из-под брезентовых ремней, опоясывавших стены, к каждой койке тянулась радиопроводка, сооруженная Кренкелем. На столешке лежала книжка, ее быстро схватили, и она исчезла в чем-то глубоком кармане.

— Когда на воздухе был мороз тридцать семь градусов, — сказал Федоров, — в палатке было минус пять градусов...

Моряки отковыливали палатку довольно долго. Потом началась разборка. Под верхним брезентом лежали голубые шелковые пуховые одеяла. Они несколько поблекли, но выглядели не плохо. Затем был снят еще один брезент — внутренний. Его вывернули, и на изнанке мы увидели большие хлопья инея.

— Это наше дыхание, это мы надышались, — сказала Папанина и сняла ребром ладони иней.

Девятнадцать дней не жили они в этом доме, и девятнадцать дней сохранялось дыхание дощат в углах, под крышей, где нам, людям с Большой земли, привычнее видеть паутину, а не снежные хлопья.

Я вошел в палатку, вернее, в каркас палатки, и взял в руки свернувшийся, ставший твердым меховой чулок. От него шел особый, особенный запах — шоколада, масла и сырости. Потом я заметил, что этот запах был присущ всем вещам из зимовки. Так пахли диванчик, радиожурнал Эриста Кренделя, мехи и шерстяные вещи зимовщиков.

Этот запах говорил о многом: о том, что столик в палатке одновременно являлся и письменным и обеденным; о том, что в большом ходу был шоколад; о том, что салфеток не полагалось и руки после еды вытирали об одежду; о том, что вентиляция палатки не имела; о том, что на ночь тетради клали под спальный мешок.

Осмотрев старую палатку, мы вошли в новый «дом» папанинцев. Прямо против входа зимовщики сложили из снега большие кари. На них лежали четыре мешка, Папанины спали в них ногами к входу. На стенах в снежных нишах лежали фотоаппараты, бинокль, какая-то кожаная сумка.

У входа слева был сделан снежный рундук. На нем стояла большая алюминиевая кастрюля. Я поднял крышку — застывшая корка жира покрывала приготовленный наварчик и еще не тронутый суп. В другой миске была каша, тоже холодная, застывшая.

— Вот мучились мы, когда надо было разогревать кашу! — сказала Федора.

Рядом с мисками виднелся алюминиевый чайник, совершенно черный от копоти. Деревянные немытые ложки. Бутылка с очищенной содой. В последнее время зимовщики часто глотали ее, так как сузари вызывали сильную тошноту. В большом деревянном ящике были насыпаны круглые шоколадные конфеты, похожие на крупные орехи.

— Конфеты с витаминами, — пояснил Федор.

Возле нар стояли банки с сахаром и солью. На крышках были сложены гребенки, бритвы, маленькие зеркала — весь несложный туалетный набор папанинцев.

ХОЗЯЙСТВО ПАПАНИНА

За девять месяцев огромное, сверкавшее белозной лозе пространство в затоптаный участок, длина которого не превышала семидесяти шагов.

Прошлым летом с этой льдины легко вылетели гражданские четырехмоторные самолеты. Теперь здесь было тесно. Папанинское хозяй-

ство занимало почти всю лядину. Нельзя было сделать десяти шагов, чтобы не наткнуться на ледки с сунувшимися восточными чулками, байдарки, кантерботы, туши медведей, погруженные в снег, банки с продовольствием.

И все-таки хозяйство Папанова значительно уменьшилось. Уже не было здесь аварийной продовольственной базы, не хватало большой горы резиновых мешков, наполненных керосином и бензином, и штабеля металлических банок с концентратами. Многого ДЕДУСЬКА кое-что ушло на оторвавшихся обломках льдины.

Мне вспомнилось, как Папанов вел на полюс свои грузы.

Для него была установлена норма — десять тонн. Но на острове Рудольфа Папанов прилетел с грузом в десять тонн. Там экспедиция пробыла в ожидании ледной погоды тридцать два дня. Это время Митрич (так называла мы Ивана Дмитриевича Папанова) использовал полностью. Он бесконечно грузил в самолеты какие-то дополнительные ящики, туши и коробки. Каждый день садил он на аэродром и возил на самолеты сотню-другую килограммов какого-то груза.

Самолеты были нагружены до отказа. Командиры корабля пришли к Шмидту и сказали:

— Если Папанов будет грузить еще одну неделю, — не выдать нам полжеса, как своих ушей: не оторвемся от земли.

Папанов согласился и грузить перестал... Но он стал заниматься кое-какой перестройкой. И неожиданно каждая перекладка груза с одного самолета на другой кончалась увеличением веса погрузки.

Тогда метанники, во избежание осложнений, просто-напросто заперли самолеты на замки. Но Папанов и здесь не растерялся. Он прилепил к кому-нибудь из участников экспедиции и просил:

— Восьмь, браток, к себе в рюкзаке сотню коробочек спичек. Прилетим на полюс, там отдашь — ладно?

И, воспользовавшись рюкзаками и чемоданами товарищей, Папанов сумел провезти на Северный полюс еще несколько десятков килограммов груза.

Мы не раз пробовали прикинуть: сколько же весят папановские девять тонн? Выходило что-то около двенадцати! Но Папанов категорически отрицал это.

— Полтонны, может быть, есть лишку, — говорил он, — никак не больше.

Так мы и не добились у Митрича справки, сколько же повесит он груза на Северный полюс. Даже тогда, когда мы улетали из лагеря, Папанов изотрез отказался открыть свою тайну и заявил, что сам не знает.

— Были изъезжены, были добавлены, догружены. Сейчас трудно сказать, — говорил он.

И вот 19 февраля, когда работа закончилась и все занялось разборкой, упаковкой папановского имущества, я отшел хозяина Северного полюса к краю льдины и спросил:

ДОКУМЕНТАРИЙ

Шарков и Папанов укладывают свое хозяйство.

— По совести, Митрич, сколько было всего?

Папанов, лукаво улыбаясь, подмигнул и сказал:

— Производственных секретов не выдаю...

— Ну, скажи, скажи, — упрямился я. — Какое же это производство, когда всё уже конечно, всё уже сделано?

— Ладно, — сказала Папанов, — скажу по секрету, не копнишь? Я пробормотала что-то уклончивое, а Митрич, наклонившись ко мне, прошептал:

— Тринадцать тонн... Да еще с хвостиком.

И, вскочив с рюкзака, он побежал перебирающимся по ледоходу к своим грузам. Он хлопотал вокруг работающих людей, помогал укладывать тюки, укладывать их на нарты.

Быстро разбирались постройкой станции.

Свернули палатку. Из нее, в числе других предметов, извлекли книги Стендаля, Бальзака, труды по астрономии, магнетологии.

Сказал ветряной дантист, который снабжал радио Кренкель электрической энергией, свалая и мачту, которую Кренкель упрямился забрать с собою.

— Она ведь обязательно должна попасть в музей, — говорил он.

Все имущество уложилось на нескольких нартах. Это произвело на Митрича глубокое впечатление.

— Четыре самолета наше имущество поднимала, а теперь на нартах уезжаем, — сказал Паланкин, и в голосе его прозвучала грусть.

ДОКУМЕНТАРИЙ

ПРОЩАЙ, ЛЬДИНА!

Всё уложено, всё упаковано, работа закончилась — станция «Северный полюс» больше не существовала. Пора было идти на корабль.

Но тут возникло затруднение. На какое судно пойдут зимовщики? Решения предоставить им право выбора. Паланники никого не хотели обидеть. Они отошли в сторону и, посоветовавшись, вернулись.

— Жеребьевка. Готовьте записки и шапку.

Я написал четыре записки; на двух написал «Таймыр», на двух других — «Мурман». Опустив их в шапку, встал, встал, встал. Паланники стали вытаскивать записки. Ширшов и Федоров вытянули «Таймыр», Паланнику и Кренкелю достался «Мурман».

Паланкин заметил группу людей, оживленно споривших. Он пошел к ним.

— В чем дело? Чего спорите?

— Да вот банка с продовольствием, — хотим вскрыть и взять из нее часть по пакушке...

— Оставьте, — ответила Паланкина. — Пусть подберут гребцовские эскимосы. А не подберут — она куда-нибудь приплывет, а мы узнаем дальнейшее направление дрейфа...

Зимовщики в последний раз оглядели льдину, с которой у них связано столько воспоминаний. С огромным волнением смотрел на нее и я. Был на ней девять месяцев назад, вот теперь здесь — и это последний раз. Больше на эту льдину я никогда не поеду...

Оставив на снежном холмике красный флаг Страны Советов, мы возвращались на корабль таким же быстрым, бодрым шагом, каким пришли. Люди шли, то и дело оглядываясь на льдину.

— Видишь, — сказала мне Кренкель, — вот здесь верного фекрала сломало льдину. Ты помнишь, ведь тут стояли палатки?

Но я ничего не узнал и не помнил. Трудно было признать в этой маленькой льдине то огромное ледяное поле, на которое 21 мая 1937 года приземлились наши тяжелые самолеты.

Корабль встретил гостей гудками. Судя горели огнями, вестрели разноцветными морскими флагами. Морские приветствовали депутатов Верховного Совета СССР.

ДОКУМЕНТАРЬ

Последние часы лагеря.

Когда депутаты появились на кораблях, вахтенные штурманы отдали им рапорт. После этого гости спустились вниз и привелись за свой туалет.

В семнадцать часов тридцать минут всё имущество станции было погружено на «Таймира».

Больше здесь делать нечего. Прощай, льдины!

...Корабль отошел от кромки льда. По снежной поверхности ледяных полей тянулся от самого лагеря цепочкой следы человеческих ног. На месте бывшего папиного поселка колыхалось на фоне заходящего солнца алое шелковое знамя.

ДО ЧЕГО ХОРОША ЖИЗНЬ!

Я вошел в каюту, отведенную Шершову и Федорову. Это была чудесная каюта, отделанная красным полированным деревом, увешанная портьерами и всякими безделушками—подарками жен мурманских моряков.

Шершов и Федоров сидели на койках. Они были несколько ошеломлены происшедшими событиями—приходом кораблей, нашеств-

нием множества людей в лагерь, ликвидационной станции... Они только что вошли в камеру, присели и молчали.

— Ну, что? — спросил я. — Хорошо?

Жена улыбнулась, а Петьа встрепенулся и сказал:

— Знаешь, я и сам еще не чувствую... Вот кини приву...

— Нет, нет, — запротестовал появившийся в дверях фотокорреспондент, — снимаю стрижку!

И он защелкал кривыми хирургическими ножницами.

— Других нет, — виновато сказал он, — но я справлюсь...

— Смотрите, уши не обрежьте, — попросила Петьа.

Гости перешли в камеру Остапцына. На дверях повесили объявление: «Парикмахерская для заключенных».

Доморощенный парикмахер стал кровать волосы заключенников, а мы начали снимать фотопарикмахера первую стрижку.

Потом последовала первая ванна, первое городское белье, первая пара ботинок...

— Последний раз мы надевали ботинки двадцать первого марта прошлого года, — сказал Шарнов.

За обедом гости налетели на свежий хлеб, говядину, зелень.

— Знаете, — сказал Федоров, — по радио передают информацию о том, какие сорта хлеба выпекают в Москве. Так Эрих всегда включал приемник, когда шла эта информация. Можете себе представить наши ощущения! С какой завистью мы, имевшие только сулари, слушали сообщения о калачах, французских булках, минском, рижском, украинском и прочих хлебах, чудесных, пушистых, еще теплых хлебах!

— Ешьте, ешьте, не разговаривайте, — приговаривали мы, — потом расскажете.

Радисты принесли пачку радиogramм.

— Поздравительные...

— Уже? Так быстро?

— Да, в некоторые даже ответы уже послали. Вот сейчас Кренкель с «Мурмана» отправил радиogramму. Мы перехватили. Хотите послушать?

Все, конечно, захотело, и радист зачитал радиogramму, отправленную Кренкелем своей жене:

«Веду роскошную жизнь. Впервые залег в ванну. Кушаю шельсины, курю папиросы. Ну, до чего хороша жизнь!»

После обеда Остапцын сказал:

— Товарищам надо поспать. Запрещено беседовать с ними до двадцати трех часов.

Он отосл Шарнова и Федорова в камеру и сам заботливо закрыл за ними дверь.

На корабле воцарилась тишина. Мы ходили на цыпочках, боясь потревожить гостей. Разговаривали шепотом.

Через четыре часа дверь открылась. Мы увидели, что камера вся

«До чего здорово лежать»

заброшена газетами. Газетные листы лежали на койках, на полу, на столе.

— Вы что — не спали?

— Нет, — смущенно отвечали гости. — Мы легли, взяли в руки по газете, ну... вот и читали всё время... Ведь мы не видели газет целых одиннадцать месяцев...

РАДИОГРАММЫ ТОВАРИЩА СТАЛИНА

В полночь корабли остановились и пришвартовались друг к другу. Папанин и Кренкель перешли на «Таймыр». Вместе с нами к нам в гости пришел капитан Котлов и его помощники. В кают-компании Дуся и Вера накрыли стол и украсили его лучшими яствами, какие были в их распоряжении.

Когда все собралось, начался торжественный банкет. Запоемлось в бокалах шампанское, зазвучали радостные тосты, смех, шутки. Веселье широко разлилось по всему кораблю...

Маленькая кают-компания не могла вместить больше двадцати человек, поэтому банкет шел одновременно и в других помещениях корабля — в красном уголке и в столовой команды.

— Это наш первый праздничный ужин, — сказала Папанни, — надо, чтобы он был веселым, жизнерадостным, как веселы и жизнерадостны мы сами...

Я ушел в каюту и вытащил из-под койки спрятанные в коробки резиновые букеты. Вынул цветы. Они сразу украсили серую каюту. В ней стало весело и красочно. Я открыл флакон духов и вынул из него цветы.

Цветы я привез с родины. Перед отъездом на завод «Красный треугольник» и спросил начальника цеха:

— Не можете ли вы сделать мне пять букетов резиновых цветов?

— Мы всё можем сделать, — ответил он. — А для чего вам цветы?

— Я вам расскажу, но по секрету. Ладно?

И, наклонившись к уху инженера, я рассказала ему, для какой цели заказываю цветы.

Как только мой собеседник узнал, в чем дело, он крепко пожал мне руку и сказал:

— Мы вам сделаем замечательные цветы. Будьте спокойны...

Он сдержал свое обещание. С невероятной быстротой стахановцы завода изготовили пять букетов роз. Алые, чайные, белые — сделанные из томившей резины, — они по внешнему виду совершенно не отличались от настоящих.

Я понес аляповатые пахучие розы в кают-компанию.

Четыре букета я отдал папанницам, а пятый — Остальцеву как начальнику экспедиции, севшей героса.

— Замечательные цветы! — сказал Папанни. — Большое спасибо! Ты доставил нам большое удовольствие! Очень красивые цветы... и пахнут хорошо...

Ужин продолжался. Папанницы не успевали отсечь на подражания и приветствия.

В кают-компанию забежал дежурный радист. Он был изволнован и передал Остальцеву два телеграфных бланка. Остальцев стал читать. Лицо его сделалось серьезным, он еще раз перечитал радиogramмы и сказал:

— Товарищи, мы удостоены очень высокой чести. Сейчас радиостанция приняла две радиogramмы от товарища Сталина и его соратников — руководителей партии и правительства. Разрешите, я зачитаю их. Первая радиogramма адресована Папаннине, Ширшону, Кренкелю и Федорову. Читаю:

«Поздравляем вас с успешным выполнением ответственного задания.

Вся наша страна гордится вашей героической работой.

Ждем вашего возвращения в Москву.

Братский привет!»

Буря аплодисментов и громовое «ура» покрыли последние слова Остальцева.

— Ура товарищу Сталину! Да здравствует наш любимый друг и учитель товарищ Сталин! — веселье возгласы.

Остальцев зачитал вторую радиogramму:

«Остальцеву, Барсукову, Котцову,
Командам «Таймыра» и «Мурмана».

Примите нашу благодарность и благодарность всего советского народа за блестящее выполнение задания по оказанию помощи экспедиции Папанина.

Гордимся вашей отважной и самоотверженной работой.
Братский привет!»

В ответ на эти горячие слова приветствия вождей партии и народа мы все встали и запели «Интернационал». Торжественные звуки гимна летели из кают-компании наружу, на палубу, в морозный воздух, в просторы Гренландского моря.

Потом говорил Папанин, Остальца, Волоснованные, счастливые, они говорили о советском патриотизме, о героях советских людей, о величайшем человеке, который ведет вперед великую страну победившего социализма.

— Наш герой, — сказал Папанин, — это герои советского народа, воспитанный Сталиным. За Сталина — ура!

Снова прокатилось громкое «ура».

Потом началась вечер самодеятельности. Мы читали, танцевали, пели папанинским новые песни, созданные за время их отсутствия. Подконик Иван Дмитриевич не выдержал и пустился паясать лезгинку...

Веселились долго. Пробили склянки¹, съезжалась вахта, наступало утро.

Так окончился знаменательный день — последний день полярной станции «Северный полюс».

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ШИРШОВА И ФЕДОРОВА НА «ТАЙМЫРЕ»

Как только я проснулся, пошел в каюту Ширшова и Федорова. Их в каюте уже не было. Привыкшие к регулярному труду, к большой кипучей работе, они не могли усидеть на месте и сразу, как встали, отправлялись в трюм осматривать и проверить свои грузы. Вскоре туда пришел Остальцев. Ширшов держал в руках несколько пакетов с витаминными леденчиками.

— Ух, и надоела же она мне! — сказал он. — Я как врач должен был подавать пример и ел их больше всех. На вот, Ананий, тебе на память бляшечку. Будешь пробовать — вспомнишь обо мне.

¹ Склянки — водочными бутылками времен, обозначенный одним узором в стилизованной форме.

И Петя лукаво улыбнулся.

Затем Петя и Женя попали в руки врача. Он осматривал их, ощупывал, выстукивал, выслушивал. Остался очень доволен их здоровьем.

— Молодцы! — сказал он. — Здоровы, крепки. Зимовка пошла на пользу. Ну, теперь скажите, какие блюда вы хотели бы получить в ближайшие дни?

Он взял карандаш и стал записывать длинный перечень продуктов, которые выбрали молодые ученые. Среди них главное место занимали мясо, овощи, мучные изделия и фрукты.

Целый день Шишов и Федоров получали ответственные радиogramмы со всех концов земного шара. К вечеру радиogramм стало так много, что они заставляли целый стол.

— Работать нигде, — ворчал Женя, раскладывая последнюю карту дрейфа льдины. — А вот точка, где мы были, когда пришел «Таймир», — сказал он оканившись. — Ведь мы производили наблюдения всё время, вплоть до нашего прибытия в лагерь...

Из Москвы пришло распоряжение: когда встретимся с «Ермаком», Папанин, Шишов, Кренигль и Федоров должны пересесть на него и следовать в Ленинград. В приказе говорилось о том, что все грузы станции должны быть перегружены на «Ермак».

— Надо торопиться, — говорили таймыры Шишову и Федорову. — «Ермак» может прийти очень скоро. Сделайте нам доклад. Ведь потом будет поздно...

— Разве мы можем вам отказать? — отвечали Петя и Женя. — Ведь мы нас кляли.

И вечером в кают-компании Петр Петрович Шишов рассказывал о жизни на льдине и о научной работе.

Петя начал говорить.

РАССКАЗ ШИШОВА

Бывают дни, которые на всю жизнь остаются в памяти. Для нас, зимовщиков станции «Северный полюс», таким днем является шестое июня тысяча девятьсот тридцать седьмого года.

В этот день пятеро зимовщиков остались один в самом центре Полярного бассейна. (Я говорю «пятеро» потому, что в состав экспедиции еще на острове Рудольфа был включен пес Веселый.)

Тишина, воцарившаяся на льдине, означала буквально оглушение нас. Ведь вот еще несколько минут тому назад на льдине ревели шестнадцать моторов четырех самолетов, еще несколько минут тому назад тут шумно хлопотали десятки людей, — и вдруг арктическое безмолвие целиком завладело всей округой...

ДОКУМЕНТАРЬ

Петр Петрович рассказывает о жизни на льдине.

Мы очень устали и хотели спать все сразу. Это был единственный раз, когда мы спали все одновременно, не оставив дежурных. В этот же день после сна обитатели самой северной и жаре полярной зимовки провели первую глубоководную станцию¹.

Происходило это следующим образом.

Прочно укрепленная лебедка стояла у края лунки — просмоли, сделанной во льду, толщина которого превышала три метра. На барабан лебедки был намотан трос длиной пять тысяч метров. Прицепив к концу троса груз, я стал опускать его в море.

На протяжении первых двух тысяч метров я опускал груз довольно быстро. Затем трос стал разматываться медленнее, но шел совершенно ровно, без толчков. Через час счетчик показал: «три тысячи метров». Барабан продолжал крутиться. Три с половиной тысячи... Три тысячи восемьсот!

Всё население зимовки пребывало в напряженном ожидании. Прошло еще полчаса, а барабан лебедки всё так же равномерно раскручивал сотню за сотней метров стального троса.

Наконец на глубине четырех тысяч двести тридцати восьми метров барабан остановился. Я вызвал отошедших было товарищей, чтобы вместе проверить глубину. Медленно, с трудом выбрали мы

¹ Глубоководная станция — так называют работу по получению воды с большой глубины для научных исследований.

ДОКУМЕНТАРИЙ

Ледовика стояла у края лунки.

пятьдесят метров троса и вновь опустили его. Счетчик опять показал прежнюю глубину. Значит, ошибки нет. Значит, можно начать накручивать трос на барабан.

Пять часов продолжался подъем груза.

Работая в две смены, мы вчетвером с большой изнурой выбрали из воды четыре с четвертью километра троса. Вначале это было довольно трудно, но потом стало легче. Зато какую огромную радость принесла нам первая проба ила, захваченная летом!

Осторожно вытаскивая палочкой на бумагу этот розовый, типично океанический ил, я несколько почувствовала некоторую гордость: из таких лучин Ледовитого океана, да еще у самого полюса, никто никогда не извлекал пробы грунта.

До отправки в экспедицию мы полагали, что даже летом в районе полюса будет достаточно холодно. Однако мы ошибались. Снег на льдине растаял, совершенно обнажив лед. Во всех направлениях по льдине текли большие ручьи.

В эти дни нам крайне пришлось поработать: мы отыскивали снег в расщелинах между торосами и на верхах надолго привозили его в лагерь. На искусственных снежных холмиках, спасаясь от воды, мы ставили свои палатки. Однако ничто не помогало, — каждое утро холмики, укреплявшие полотнища палаток, вновь и вновь обнажались.

Свет на льдине растаял.

На соседних льдинах образовались огромные озера пресной воды. Одно из них танулось метром на двести. Мы обследовали его вдвоем с Женей Федоровым, проехав по озеру на байдарке.

Когда утлый челн поднялся к противоположному ледяному «берегу», взгляду открылся узкий пролив, соединявший черное озеро со вторым. Мы поплыли дальше. Это путешествие на байдарке продолжалось полтора часа.

Танение прекратилось к концу полярного дня. Озеро замерзло. И, что самое обидное, замерзла также прорубь, через которую мы опускали трос при глубоководных станциях.

Теперь каждый раз, прежде чем начать работу, нам приходилось вновь прорубать лунку в толще трехметрового льда.

Морозы крепчали, достигая сорока пяти градусов.

Илья Дмитриевич предложил перевести гидрологическое оборудование к трещине, находившейся на границе нашего и соседнего ледяного поля. Время от времени там торосило: иногда появлялись разводья. Потом трещину закрывало льдом. Перед каждой гидрологической станцией мы разбивали на молодом льду палатку, привозили лебедку и прочее гидрологическое хозяйство.

Бывало работаешь у только что прорубленной лунки, а шагаешь в двадцати на мелких трещинах торосит лед. Всё скрипит, анжмет и

ДОКУМЕНТАРЬ

Путешествие на байдарке.

воет. Во все кругом — в движении. В такие минуты каждый из нас был начеку: чуть зазеваешься — и можно потерять лебедку или трос. Нечего было и думать об отдыхе до окончания гидрологической станции, — работала без передышки по тридцать пять — сорок часов вряду, отрываясь лишь для того, чтоб наскоро перекусить.

Два дня работали на трещине, затем два дня обрабатывали пробы, а на пятый — новая станция.

Надо сказать, что в течение первых восьми месяцев льдина нас сильно избаловала. Но вот, когда лед казался нам особенно спокойным, я обнаружила черную полосу воды шириной почти в двести метров. Лебедка и гидрологическая палатка оказались отрезанными от лагеря. Вместе с Федоровым я переправилась туда на байдарке, чтобы забрать приборы. Лебедку же решила пока оставить на месте.

Через два дня мы убедились, что поступили правильно: в это время полосу чистой воды скопил молодой лед, и в свою очередь проплыл пешком в своей палатке.

...В конце января разыгрался шторм. Он бесновался шесть дней. Льдину дрейфовала с невиданной скоростью: по пятнадцати миль в сутки. Работать в такую погоду было невозможно.

Во все это время мы почти не вылезали из жолой палатки. Только

Летим на льдине.

четыре раза в сутки Федоров и Кренкель выбирались наружу, чтобы произвести метеорологические наблюдения. Через пять-шесть минут они возвращались обратно, причем каждый раз им приходилось лопатами разгребать снег у входа.

1 февраля шторм начал стихать. Часов в шесть утра Иван Дмитриевич разбудил меня и Женю. Лежа в спальных мешках, мы с тревогой прислушивались к тому, как скрипел каркас палатки. Вскоре выяснилось, что лед под палаткой дал трещину...

Далние события развернулись с кинематографической быстротой. От огромной, надежной льдины, так пристанью арктической нас, остался лишь небольшой осколок.

Ветер разгнал льдины. Повсюду открылись трещины и разводья. Льдины быстро перемещались и уплывали.

Я с трудом разыскал палатку, сорванную штормом и засыпанную снегом. В километре от нас за широкой полосой воды одиноко чернела льбедка. Дня через два она исчезла.

16 февраля я вместе с Женей обошел соседние поля, приняв участие в поисках самолета Черенного. И тут случайно, в шести километрах от лагеря, мы еще раз увидели нашу льбедку. Но перетянуть ее в лагерь через огромные торосы не было никакой возможности. Так и осталась она на паковых льдах у берегов Гренландии...

ПРАЗДНИК В ГРЕНЛАНДСКОМ МОРЕ

Рассказ окончен. Шумными, горячими аплодисментами наградили моряки и полярники отважного исследователя.

— Жаль, поздно, — сказал Жень Федоров — я не успею вам сегодня рассказать. Придется завтра...

И они ушли спать.

В кают-компанию, куда выходила дверь каюты гостей, стало тихо. Мы заботливо оберегали их покой.

Вдруг в каюте капитана раздался резкий телефонный звонок.

— Алло! Алло! На горизонте — огонь, — сообщили вахтенный.

Через несколько минут капитанский мостик был заволнен людьми, которые вглядывались в ночную тьму. Чуть правее ледокола «Мурман», сверкавшего множеством разноцветных огней, вдали показался маленький светлый кружок.

«Ермак» или не «Ермак»? Спор по этому поводу был совсем недолгий. Какое еще другое судно могло появиться в такое время года в этих местах? Разумеется, это мог быть только «Ермак».

Возвешение охватило всех нас. Сразу всё пришло в движение. Все почувствовали, что приближалась торжественная минута. Дедушка русского ледокольного флота — знаменитый «Ермак» — шел навстречу своим младшим товарищам. Надо было встретить его как следует. К этому и готовились экипажи «Таймыра» и «Мурмана».

Полярный воздух обманул даже наших североморских воинов. «Ермак» оказался гораздо ближе, чем это нам показалось сначала.

— Виден корпус корабля, — доложила капитану Барсукову вахтенный.

И сразу, по команде, ослепительно вспыхнули прожекторы кораблей, и побежали молочно-белые яркие лучи света, а в воздух взвилась огни многочисленных ракет — красных, зеленых, белых. Будто соревнуясь друг с другом, выражая радостные чувства от встречи, ермаковцы, таймырцы, мурманцы посылали вверх ракеты. Красивые цветные огоньки догорали на снегу, расщепляясь белому ледяным полям.

— Широкова, Федорова сюда! — слышались возмущенные голоса.

Остальные распорядились разбудить сладко уснувших героев Северного полюса.

Через десять минут Широков и Федоров уже стояли на мостике. Знатные пассажиры нашего корабля были готовы вместе со своими двумя товарищами, находящимися на борту «Мурмана», перейти на ледокол «Ермак». Там находился Отто Юльевич Шмидт, с которым они расстались много-много месяцев назад среди ледяных терзаний Северного полюса.

Корабли прозвонительно загудели, нарушая безмолвие арктической ночи. Они салютовали друг другу. Вот корабль почти рядом, только

ДОКУМЕНТАРИЙ

десяток метров отделяет три советских ледокола, посланных страной за четверкой героев.

Медленно движется великан «Ермак» и подходит вплотную к стоящему ближе к нему «Мурману».

Надрагивает «Таймир». Расталкивая льды, спешит он к двум своим соратникам.

На казанском мостике стоит Ширинов, Федоров, Барсуков. Все они тоскливо возмущены встречей кораблей и людей. Вот видна фигура Воронина, славного капитана «Ермака», видны уже и Папанин с Кренкелем, перешедшие с «Мурмана» на борт «Ермака». Вот мелькнула борода Шмидта.

«Таймир» рядом с «Ермаком» кажется малюткой. Рядом — их средний брат «Мурман».

Вместе стояли корабли, и вместе собрались люди, победители суровой Арктики, которые встретились сегодня в безлюдных просторах Гренландского моря после великих подвигов.

В кают-компани «Ермака» было шумно и оживленно, как на большом вокзале. Кинооператор Трояновский установил сильную осветительную аппаратуру и снимал встречу героев.

Письма, фотографические карточки, посылки... Сколько впечатлений, сколько новостей сразу обрушилось на капитанов! Они растерялись в этом непривычном для них шуме.

Корабли стояли вместе два часа. Затем Отто Юльевич объявил: Папанин, Ширинов, Кренкель, Федоров, Остальцев и журналисты переходят на «Ермак». Остальные продолжают путь на своих кораблях. «Таймир» и «Мурман» идут в Мурманск. «Ермак» идет к берегам Исландии, где найдет «Мурманец», окажет ему нужную помощь и вместе с ним пойдет в Ленинград.

Последнее прощание. Я сердечно обнимаюсь с таймырями, с товарищами, с которыми прожиты такие замечательные, незабываемые дни. — Счастливцев! — кричат мне. — Ты будешь память с ними...

В темной ночи, разворачивая ледовые гамбы, расходится корабль. Снова гул.

«Ермак» идет к корме, к чистой воде. На борту становится тихо. Капитанов укладывают спать. Шмидт уступил Папанину и Кренкелю свою каюту. Каюту помладше предоставили Ширинову и Федорову.

Получили радио: «Мурманец» идет чистой водой к южной оконечности Исландии.

Там произойдет наша встреча.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Я эшел в каюту, где поселялись Папанин и Кренкель. Эрст не было — он ушел на палубу подышать свежим воздухом. Папанин лежал на койке и о чем-то думал.

— О чем думал, Митрич?

— Да вот вспоминаю, как прожили последний день. Знаешь, днишка у меня подробный, а вот последнего дня нет. Не успел записать...

— А что — интересный был день?

— Интересный...

— Расскажи...

Корабли были уже совсем близко. — начал свой рассказ Папанин, — мы по несколько раз в день говорили с Остальцевым. Вы говорили в микрофон, и мы слышали наши голоса.

Последние дни ребята — Петь и Женя — очень устали: они ходили искать Черевинного и Карабанова. Нам всё казалось, что они сели где-то возле нас.

История с посадкой Черевинного очень взволновала нас всех.

Когда мы увидели, что корабли могут полететь очень близко, — решили, что надо отказаться от полетов к нам. Кренкель слышал по радио, что на кораблях собирают самолеты, что готовятся новые полеты. Конечно, в крайнем случае мы воспользовались бы самолетами.

Но крайнего случая у нас не было.

Мы могли сравнительно спокойно прожить на нашей льдине еще три недели.

Зачем же было торопиться? Зачем же было вывозить станцию на самолетах, которые смогли бы забрать лишь самые важные документы и пробы? Нет, надо было отказаться от самолетов и ждать корабля или кораблей. На ледоколах мы сумели бы погрузить всё имущество, все приборы, всю одежду — всё то, что может представить интерес для арктического музея.

И, посоветовавшись с товарищами, в сообщени «Таймору» и «Мурману»:

«Аэродром разломало, льдину унесло».

Вечером восемнадцатого февраля пошел к кромке льда. Корабли стояли в восьми километрах от границы ледового поля. Мы тщательно осмотрели дорогу и наметили кратчайший и лучший путь для подвоза грузов.

Ночь на девятнадцатое февраля я не забуду никогда.

Волновались настолько, что даже не ужинали — кусок не шел в горло. К тому же обед мы с Эрстом съели невкусный. Шн и гречневая каша на этот раз получилась невкусные, и мы к ним почти не

притронулась. Так и стояли на потресавшей ланте холодные кастрюли с последней пищей, которую мы сварили на леднике.

В час ночи на вахту вступил Петья. Я был выходной, но мне не спалось. И не хотелось в такую напряженную ночь оставлять Петю одного. Сел играть в шахматы.

Каждые полчаса выходили из палатки, смотрели, не подкраснели ли зверь, не оторвался ли кусок льдины. Размер ее был тридцать пятьдесят метров. Вдобавок она лопнула на четыре части, и мы регулярно осматривали трещины, чтобы, в случае подтопки, успеть вывезти наиболее ценные грузы, уложенные на нартах.

Всё шло благополучно. Я проиграл Пете четыре партии и не сердился.

Вышли из палатки и увидели упершийся в небо луч прожектора. Потом луч опустился, вошел бродить по горизонту. Нас надуывали, но не могли найти.

Мы побежали на пригорок. Я схватил по пути бидон с бензином. Сорвал с себя меховые рубашки, обанвал их бензином, наскочивали на палки и зажгали. Дважды разводили костер, сложенный из трюпок, старых мехов и валенок, облитых керосином. Горело великолепно: пламя поднималось высоко.

Мы грелись возле костра и были уверены, что нас хорошо видят на кораблях. Однако, как спустя несколько часов сообщали по радио, наш громадный костер мигал не ярче лучины и был еле заметен.

Веселый вел себя ночью очень плохо. Как только в нашу сторону протягивался серебристый луч прожектора, пес начинал вскакивать. Я не мог вынести этого яростного, доходящего до хрипоты лая. Поймав Веселого, я зажал его меж колен, и тогда он замолчал.

Но, как только я выпустил его, он убежал на соседнюю льдину и там, чувствуя себя в полной безопасности, опять начал лаять — и лаил до тех пор, пока прожектор не погас.

В шесть часов утра вахту начал Кривош. Вскоре встал и Федоров. На небе были видны звезды, и он начал делать астрономические определения.

Сел писать товарищу Сталну радиogramму об окончании нашей работы.

В семь часов утра я лег спать, проспал до десяти и почувствовал себя свежим. Только сердце билось тревожно и часто замирало. В двенадцать часов тридцать минут хотели начать метеорологические наблюдения, но получили по радио с кораблей требование: «Дайте огонь, факелы!» Рассвет только начинался. Я был возмущен: целую ночь жгли бензин, керосин, а они всё требуют огня! Что им здесь Баку, что Ленин!

Все-таки огонь зажгли.

Час дня. Пароходы дымали во-всю. Они уже были совсем близко.

Надо было готовиться. Решив привести себя в порядок. Начал бриться. От волнения руки дрожали. Порезался. Посмотрел на себя в зеркало — ужас! С первого удара ны же мылись. Руки, как у трубача. Попробовал потереть снегом — только грязь размазал, чище не стало...

В два часа дня корабль достигли кромки, пришвартовались. В бинокль видел, как люди сисихали спуститься на снег. Не мог сдержаться, отвернулся. Петя тоже усиленно моргал.

Мы бросались вперед навстречу колоннам, шедших **ТОКУСОБА** С двух сторон подходила таймыры и муromцы. Командовал папаник Ананий Остафьев. В экспедиции много товарищей по зимовкам — штурманы, работники, летчик Власов, который первым прилетел на наш аэродром, ты, Эра... Ведь ты единственный участник экспедиции на полюс, попавший второй раз на нашу льдину...

А раз ты был на льдине, значит, ты сам видел, что происходило потом...

Так закончил Папанин свой рассказ.

ЧИСТАЯ ВОДА

Как хорошо на «Ермаке»! Большой, мощный корабль, он легко пробивается по льду, и мы почти не ощущаем толчков. С улыбкой вспоминаем «Таймыр»: при столкновении даже с маленькой льдиной он подпрыгивал, и мы еле удерживались на ногах...

— Ничего, — утешал нас капитан Воронин, — выйдем из льдов, тогда не обрадуетесь. «Ермак» воды не любит. Качается, как Ванька-встанька. Ледокол...

В ночь на 22 февраля «Ермак» выбрался из льдов и вышел на чистую воду. Погода стояла отличная. «Ермак» спокойно шел по гладкой воде и не качался.

— Ну что, Владимир Иванович, — спрашивали мы у Воронина, — где же клыка?

— А где штору? — отшучивался капитан. — Будет штурман, хотя бы самый маленький, тогда вылачнется...

Мы часами простаивали с папанинцами на палубе, на мостике. Любо было смотреть на почетных гостей «Ермака».

Папанинцы были одеты в форменные костюмы флота Главсевморпути. Лица у них были обостренные, и это делало их похожими на моряков, только сейчас вернувшихся из тяжелого плавания, во время которого они перенесли много бурь.

День папанинцев в основном был занят чтением газет и писем, которые доставлял для них «Ермак». К тому же настоящий шквал ответственных телеграмм занимал радиостанцию ледокола.

Телеграммы шли со всех концов Союза, со всех концов мира.

Радисты постоянно совершали чудеса, принимая все эти приветствия.

У Шершова на столе лежала целая пачка писем. Он надеялся прочитать их до приезда в Ленинград. Кренкель два дня читал письмо из дому, полученное им из «Ермака», — такое оно было большое.

Волею койки Эриста лежала стопка конвертов с иностранными марками: это многочисленные радиособеседники со всего земного шара прислали ему свои поздравления, пожелания, советы.

— Для меня это утешение, — говорил Эрист Теодорович, указывая на письмо от родных. — Хочется поскорее в Москву...

Больше всего иностранцы говорили о Москве, чаще всего они спрашивали о красной столице. Им хотелось поскорее обнять своих родных и знакомых, увидеть московские улицы, услышать московский шум, понаблюдать, наконец, после столь долгого перерыва в театр.

Первый вечер.

КВАРТИРЫ КРЕНКЕЛЯ

Кренкель зашел в радиорубку «Ермака». Он сам сел за ключи и провел разговор с Москвой.

— Великолепная у нас рация! — сказал Эрист старшему радисту «Ермака». — Не плохо было бы мне такую на льдину.

Когда мы вышли на палубу, я спросил Кренкеля:

— Ты ведь переехал из палатки в снежный домик? Расскажи, как тебе работалось там.

— Почему же о домике? — ответил Эрист. — Я обо всех квартирах расскажу.

*Enikhai Kikotomnikova Федорова
привалела за роботу.*

По натуре я — человек непоседливый. Это мое свойство успело проявиться даже на льдине. Пожалуй, другой за всю свою жизнь не переменял столько квартир, сколько я за девять месяцев переменял со своей радиостанцией. **ДОКУСФЕРА**

Первым жильем моей жизни на льдине у Северного полюса была зеленая парусиновая палатка, разбитая в день прилета на полюс, двадцать первого мая тысячу девятьсот тридцать седьмого года. Мне пришлось тогда срочно разорвать свое радиохозяйство. У самолетной радиостанции в момент приземления слетел униформер, а надо было скорее установить связь с землей, чтобы сообщить о благополучной посадке.

Так появилось на свет первое, зеленое, «зданье» полюсной радиостанции.

В зеленой палатке я проработал недолго. Товарищи по экспедиции, жившие с нами

шестнадцать дней, выстроили мне роскошное зданье. Новый дом, опущенный на метр в снег, был возведен из свежих пластин. Крышу сделали из шелкового парашюта.

Большой белый шелковый парашют мы взяли в экспедицию на Северный полюс для того, чтобы прицепить к хвосту флагманского самолета, если льдина окажется недостаточно большой и нужно будет уменьшать пробег при посадке. Из этого парашюта и была сделана крыша на мой первый снежный дом. Это было весело. Плотный шелк защищал от ветра и пропускал свет.

Потом, когда я вышел из первого снежного дома, Петья Широков захватил шелковую крышу и использовал ее для своей лаборатории. Но шелк недолго выдержал натиск полярных ветров: он разорвался.

Тогда мы превратили парашют в полотенца. Это была большая роскошь — шелковые полотенца. Но не прогадать же материи! Мы шелком вытирали наши намазанные в машинном масле руки. После этого остатки шелкового парашюта были превращены в носовые платки.

ДОКУМЕНТАРИЙ

Куренко со своей радиостанцией.

Ледовый дом я разделал на две половины. В одной находилось машинное отделение, в другой — рубка. Аппаратура стояла на снежном лагу.

Сидел я на жестяной банке с продовольствием. Перетянул я радиорубку полсотни коробок лапирок и дюжину карандашей, я твердо обосновался на новом месте и чувствовал себя отлично.

Но счастливая жизнь в ледяном домике продолжалась всего два месяца. Солнце упорно разрушало мое саромное счастье. По льдине, несело журча, бежала ручейки. Просачиваясь под снег, они обогнали и мой домик. В то время я уже работал, подставив под ноги какой-то ящик. Мех быстро сырел. Становилось неудобно. Все же я не уходил из домика — думал: выкопает, подперет, и можно будет протиснуть до полярной ночи.

Но теплая погода держалась довольно устойчиво, и подвальный этаж радиодома продолжал наполняться водой.

Скоро на том месте, где работал радист станции «Северный полюс», образовался прекрасный бассейн. Я даже подумывал одно время: не поймать ли нерпу и не посадить ли ее в этот водоем, чтобы можно было впоследствии написать о самом северном в мире зоологическом парке или о жизни нерпы в янголе. Однако нерпы не появлялись, а работа не ждала.

Я перешел на третью квартиру — а большую иную палатку. Мне отвели правый угол: в левом стояла посуда и кое-какие вещи Ширцова. После мокрой квартиры в ледяном доме я на новом месте просто блаженствовала. Там было сыро, холодно и неудобно. Здесь — тепло и сухо; лежали оленьи шкуры; аппаратура стояла на столбике. И справа через иллюминатор падал свет.

Начался сентябрь, стало холоднее. Решили пере**ДОКУСОВА** оборудование. Взялись за утепление и некоторую перестройку палатки. Пришлось на время вынести радиостанцию. Два срока работы пропущены. Когда палатку утеплили, одели ее в покрывки из гитачьего пуха, я вернулся на старое место. Наступала поларная ночь.

Иван Дмитриевич выдал мне «осветительную аппаратуру» — десятилиннейную керосиновую лампу, которую мы прозвали радиолампой. Кое-как освещала она мое рабочее место. Но беда была в том, что часто лопалось стекло.

В этих случаях Иван Дмитриевич смотрел на меня с таким укором, что я чувствовал всю тяжесть совершенного преступления и скромно просил:

— Дай, Митрич, еще одно! Право, я не виноват.

Иван Дмитриевич давал, но каждый раз с предупреждением:

— Смотри, Теодорыч, это последнее!

И когда лопалось очередное стекло, я уже не просил — думал, что больше нет. Но вдруг на лампе оказывалось новое стекло: даже с соломинкой внутри.

— Откуда, Иван Дмитриевич?

— Последнее, Теодорыч, последнее. Правду говорю...

В конце концов я приладил к своим аккумуляторам маленькую лампочку, какие горят в карманных фонарях. Она, правда, светила не так ярко, но зато я не чувствовал над собой вечной угрозы «последнего» стекла.

Когда таймыры и мурзены пришли на льдину, они нашли целый ящик таких лампочек. Кстати, среди керосинового хозяйства Ивана Дмитриевича нашлось два десятилиннейных стекла к моей лампе. Это были действительно последние стекла...

В черной палатке моя радио находилась до первого февраля, когда льдина изволила треснуть и нарушила сравнительно спокойный ход нашей жизни. Снова пришлось кочевать. Опять вошла в дело зеленая палатка. Поставил аппаратуру, но радио в этот день не развернул — было поздно. Это оказалось счастливой случайностью: ночью обнаружили новую трещину на расстоянии одного метра от зеленой палатки.

Перетаскили ее на большую часть льдины. Я развернул свое радиохозяйство и приступил к работе. Но в ночь на восьмое февраля поднялась сильная пурга, палатка хлопала «крыльями», пытаясь улететь. Трепало ее очень крепко, и к утру она пришла в такое состояние, что работать в ней стало невозможно.

Иван Дмитриевич на борту «Кривака» у берегов Исландии.

Как только ветер немного успокоился, мы занялись за постройку снежной хибарки. Новый «радиодворец» был мал по размерам, неприглядный, и ветер гудел в нем, как у себя дома. Одна из стенок была сделана как аварийная такой тонкой, что просвечивала. В случае какой-либо неприятности стоило толкнуть ее плечом, и открывалась большая дыра, через которую можно было сразу вывезти радио, смонтированную и установленную на нартах.

На новой квартире было очень холодно. Пальцы застывали, отказывались слушаться. Я старался как можно меньше времени проводить в снежном домике и выполнял только необходимую работу. Принимал оперативные радиogramмы и только такие личные, под которыми стояли подписи наших жён. Все остальные я просил сохранить до возвращения на материк. В эти дни я держал связь только с «Таймером» и «Мурманом» да с островом Ян-Майен, которому давал метеосводки.

В этой снежной хибарке и находилась радио двенадцатого февраля, когда за нами пришли моржи «Таймира» и «Мурмана». Это была моя последняя радиоквартира. Она мне дорога тем, что на нее я передал радиogramму товарищу Сталину о выполнении возложенного на нас задания.

Итак, пять квартир на одной лодке. Пожалуй, чересчур много.

И самое неприятное — это страхи, которые я переживала во время переездов. Боялся, не сломать бы, не испортить бы чего-нибудь. К счастью, опасения оказались неосновательными.

Аппаратура благодаря своей крепости и надежности отлично выдержала переезды.

С двадцать первого мая тысяча девятьсот тридцать седьмого года по пятнадцатое января тысяча девятьсот тридцать восьмого года станция поддерживала постоянную связь с островом Рудольфа. Всё время было лишь два перерыва в работе радиостанции, которые продолжались пятнадцать-восемнадцать часов. Это было в очень плохую погоду, когда шторм срывал антенну.

Иногда меня слушали бузта Тизия и мыс Желания. Если остров Рудольфа почему-либо меня не слышал, я работала с радией мыса Желания.

Что уходило из моей рубки? Метеосводка, частная корреспонденция, оперативные радиограммы и материалы для газет. Кроме того, мы кратко сообщали результаты научных наблюдений Ширшова и Федорова.

Особенно много материала мы передавали для газет. Я никогда не думала, что интерес к нашей экспедиции будет так велик. Все редакции буквально засыпали нас запросами и требованиями писать. Мы рады были бы удовлетворить всех, но творчество наше находилось в полной зависимости от ветра. Если ветер дул исправно, ветряк работал круглые сутки и аккуратно заряжал аккумуляторы. Если же ветер стихал, корреспонденция поодолгу лежала в моем журнале неотправленной.

Принимал я, конечно, гораздо больше, чем передавал. На прием уходило меньше электроэнергии, да и мы старались получить побольше сведений с Большой земли.

Больше всего радости доставляли, конечно, весточки от семей. Затем те, в которых сообщались разные московские новости.

С заграничными станциями я работала мало — в этом не было нужды. Некоторые заграничные станции предлагали пользоваться их услугами, но мы не затрудняли любезных знакомых, случайно приобретенных во время прогулок по юфру.

Я установила связь с коротковолновиками почти всех европейских стран, со многими американцами, с Аляской, Канадой, Новой Зеландией, Южной Австралией, Гавайскими островами. Все разговоры продолжались гораздо дольше, чем обычные переговоры между радиолюбителями. Ни разу не приходилось мне объяснить, кто я такой. После установления связи я бывал вынужден прежде всего принимать восторженные поздравления, предложения помочь передать радиогруппу, наладить регулярную работу.

Бывало, когда я спрашиваю: «Всем, всем... Кто меня слышит?» — откликалось сразу несколько человек.

Из иностранных любителей мне больше всего запомнилась радист

с одного из Гавайских островов. Он был в курсе всех дел нашей дрейфующей станции. Он сообщал нам содержание наших корреспонденций, лишь изредка напечатанных в центральных советских газетах. По его сообщениям мы видели, как быстро перепечатывались иностранными газетами наши радиogramмы, посланные в «Правду» и «Известия».

Несколько раз я работал с лучшей факторией Гуденова радио.

Горюхины привезли шланг с Аляски — от радикта платиновых рудников.

Голландец сообщал, что в тамошней газете печатаются бюллетени погоды на Северном полюсе.

В конце августа стала недурно слышать Москву. Сразу наладили слушание «Последних новостей» — четыре раза в сутки. При очень хорошей слышимости принимали на репродуктор вечерние доклады и концерты, слушали трансляцию опер «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Они мне очень понравились.

Всё внимание я уделял советским станциям. Упорно ширял я в эфире в поисках советских передатчиков и, когда удавалось поймать какую-нибудь, даже маленькую внештатную радию, радовался от всей души. Слушая советскую радию, я держал связь с родной.

Петр Петрович Шарюв работает в кабинете «Грифона».

ВСТРЕЧА С «МУРМАНЦЕМ»

22 февраля «Ермак» приблизился к берегам Исландии. Был вечер. Из мрака на горизонте вырисовывались силуэты высоких гор. Сверкали огненные кометы.

Ночью мы подошли к юго-восточным берегам Исландии и вошли в фиорд Рейдар. Горы и высокие берега защищали нас от штормов, и мы могли спокойно ожидать здесь «Мурманца», который шел на соединение с нами.

Утром перед нашими глазами развернулась живописная картина. Яркое солнце залило красивые берега Исландии. У подножья скалистых, суровых гор, покрытых полосами снега, стоит маяк, около него небольшое селение.

23 февраля, в день двадцатой годовщины Рабоче-крестьянской Красной армии и Военно-морского флота, в корабельном кинотеатре собрался весь экипаж, экспедиционный состав и почта. **ДОКУМЕНТАРИЙ**

Томариц Шмидт сделал доклад о могучей, непобедимой Красной армии. Иван Дмитриевич Папанин рассказал о своем участии в гражданской войне.

Трое суток стояли мы в фьорде Рейдар. 25 февраля «Ермак» снялся с якоря и пошел навстречу «Мурманцу». Капитан Ульянов сообщил, что корабль идет на парусах в полосе сильного ветра.

Как только «Ермак» вышел в открытое море, мы вспомнили слова Воронины: Атлантический океан встретил нас сурово.

Всю ночь мы шли в разбушевавшихся волнах, ледокол шмырало с борта на борт, крен доходил временами до 45°.

Утром шторм начал стихать.

В полдень мы заметили «Мурманца». Он шел на всех парусах с запада на восток. «Ермак» повернул вслед за «Мурманцем» и для того, чтобы идти вместе, сбавил ход до семи-восьми миль в час.

Мы стали рассматривать маленький корабль. Борты его были совершенно белые, как дощатый пол, тщательно вымытый старательной хозяйкой: льды и соленые воды как следует обработали героическое судно. Сколько мы ни смотрели — не могли обнаружить на «Мурманце» даже следа краски: она была потеряна в жестоких боях с полярными штормами и паковым льдом.

К нам на борт перебрал капитан Ульянов. Конечно, прежде всего на него накинудсь журналисты и стали расспрашивать о плавании «Мурманца».

— Девятнадцатого марта, — начал Ульянов, — мы подошли довольно близко к папанинцам, но далеко в лед не забиралась, так как нам было поручено заниматься исследованием кромки льда.

«Была полярная ночь, бушевали ураганы. Стояли морозы в девятнадцать-двадцать градусов, в судно сильно обмерзло. Временами наш «Мурманец» превращался в какой-то айсберг, из глыбы льда торчали лишь мачты и надстройки. Не хватало сил, но мы продолжали работу.

«Так мы прошли сто миль. Одинадцатого февраля мы закончили обследование кромки льда и начали пробираться к берегам Гренландии. Лагерь Папанина находился в это время в восьмидесяти милях от нас. Мы уже видели берега Гренландии. На севере была видна вода. Мы вошли в паковый крупноторосистый лед. Но в это время направление ветра переменчилось, и льды нас сжали. Дальше мы продвигаться не могли.

«К счастью, в это время в район дрейфующей льдины Папанина

прибыли ледоколы «Таймир» и «Мурман». Поэтому мы решили прекратить продвижение к лагерю. Но не сидеть же нам без дела! Зная, что плаваниям со дня на день спикнут со льдами, мы решили продолжать наш дрейф, чтобы советская наука получала сведения о направлении дрейфа, начиная от полюса и кончая Атлантикой...

Ульянов побыл еще некоторое время на «Ермаке» и вернулся на «Мурманец».

Плаваниям вышла на палубу и долго смотрели из герметич-
ский бот.

— Молодцы «Мурманец», — сказал растроганным голосом Пана-
нин, — совершили замечательное плавание! Герои!

ШТОРМ, ПУРГА, УРАГАН

В ночь на 27 февраля «Ермак» опять попал в полосу шторма. Ветер изрыгнул море, поднял высокие, мощные волны. Ледокол кренился до 36°.

Позади остались гористые берега Исландии, многочисленные фиорды, огни маяков, северное сияние. Вперед — бушующая Атлантика.

Во время этого шторма Петь Ширшов рассказывал нам о последних днях жизни на льдине.

В конце января шесть дней непрерывно бушевала пурга, — рассказывал Ширшов. — Шесть дней не утихал северо-западный ветер, сила которого достигала двадцати-тридцати метров в секунду. Всё это время мы просидали в палатке.

Скорость дрейфа нашей льдины невероятно быстро возрастала. Но мы к этому уже привыкли. Теперь для нас не оставалось сомнений, что мы пропустили во крайней мере две гидрологические станции. Слишком быстро плыла льдина. В такую пургу не было возможности работать.

В палатке, как всегда, было светло и уютно. Последнее время мы все, кроме Жени Федорова, сильно увлеклись шахматами. Иван Дмитриевич Позанин, недавно только научившийся играть, настойчиво стремился победить Кренкеля, который ходил у нас в чемпионах.

Над палаткой непрерывно шумел ветер и дымила буря. Пурга мешала нам принимать радио. Миллионы снежинок оседали на антенны, ухудшая слышимость.

В ночь на первое февраля мы улеглись спать в час ночи. Кренкель остался ночным дежурным. Ветер как будто начал стихать.

— Ого, пошел в гору! — радостно крикнул из-под стола, где стояли приборы, Жень Федоров.

Я посмотрел на стрелку барометра и увидел, что она медленно

ДОКУМЕНТАРЬ

Иван Дмитриевич показывает Олегу Юлиевичу ледовый заповодник — или Вислово.

полза вверх. Забрался в спальный мешок, надеясь, что завтра мне повезет и я сделаю очередную гидрологическую станцию. Уснули мы все, как обычно, довольно быстро, несмотря на свист и завывание ветра над головой.

— Петрович, Женя, вставайте, вставайте! — будил нас Иван Дмитриевич.

Спросоная мы ничего не понимали.

— Что такое, что случилось?

Я мельком взглянул на часы: они показывали половину шестого.

— А вот послушайте, — кричал Папанин, — как трещит наша палатка!

Мы затаили дыхание и несколько секунд молчали. К привычному шуму ветра присоединился звук, который повторялся непрерывно и неприятно резал ухо. Это скрипела алюминиевый каркас нашей палатки.

— Да что вы, товарищи, ведь это снег падает, — успокаивал нас Женя Федоров.

Разумеется, ему, так же как и мне, страшно не хотелось вылезать из теплого спального мешка.

— Да какой там свет, — сердится Панамин, — кузня-то наша ко-
дуном ходит! Ну-ка вылезайте, сами посмотрите.

Скрип продолжался, как бы наглобно предупреждая нас о го-
товящейся неприятности.

Весь засыпанный снегом, в дверь протиснулся Кренкель.

— Ну, что там, Эрист, где скрипит? — с нетерпением спро-
сил мы.

— А черт его знает, — с огорчением сказал Кренкель, — не видно
ничего, хоть глаз выколи! Обшел вокруг палатки, но ничего не за-
метил. А все-таки скрипит.

Прошло томительных полчаса. Наконец решил, что бездейство-
вать больше нельзя, — вылезли из теплых мешков, торжественно оделись.
В это время скрип затих. Через несколько минут раздался треск, и
на этот раз уже более сильный и более тревожный.

Я надел маску, чтобы выбраться из палатки и посмотреть, что
происходит. Весь тамбур нашего жилища оказался забитым снегом,
который проникл сюда через брезентовую дверь. Пришлось выби-
раться на четвереньках.

Ветер набросился на меня с бешеной силой. Колочим снегом
забивало лицо. Согнувшись дугой, ежеминутно спотыкаясь, я с тру-
дом обошел палатку. Как будто все было в порядке.

Но вдруг в десяти метрах от палатки, за метеобудкой, мелькнула
какая-то темная полоска. Я приблизился к ней, пристально вгляды-
ваясь. Неужели трещина? Да, сомнений не могло быть: трещина то
расходилась до одного сантиметра, то снова сходилась вплотную.

Света электрическим фонариком, я пошел вдоль тонкой черной
полосы. Трещина терлась у хозяйственного склада. «Понял, кому, она
проходит под складом», решил я. Затем быстро повернул назад.

Вернувшись в палатку, я сообщил товарищам о трещине. Все
встревожилось. Сейчас, конечно, трещина не представляла никакой
опасности, но она могла ежеминутно разойтись, и тогда нашему
лагерю грозила бы серьезная беда. Мы решили ждать рассвета.

— Ну, вот, браточки, — сказал Эрист, — достуканись. Видно, гла-
зил кто-то нашу лядуну.

Шутка Эриста напомнила нам о вчерашнем разговоре. Только
накануне мы все узнали, что лядня оказалась не редкость
надежной.

В разговорах прошел еще час. Никаких изменений за это время
не произошло, и мы решили еще немного поспать. Жена Федорова,
как всегда, показал нам свое замечательное искусство: молниенос-
ным движением вскочил в спальный мешок на верхней койке, в ко-
торый раз вызвал у нас зависть.

— Петрович, сходил бы ты на всякий случай и посмотрел еще
разок на трещину, — сказал мне Иван Дмитриевич.

Я не заставил себя упрямиться и, не мешкая, выбрался в тамбур
и оттуда наружу. Снова буря и бешеный ветер жгли лицо.

Осторожно, нащупывая дорогу, шаг за шагом пробирались вперед. Вдруг из мрака топно выплыла широкая черная полоса. «Неужели трещина разошлась?» подумал я. Подошла ближе. Там, где только час назад трещина была похожа на тонкую нить, широкой лентой чернела вода. Трещина разошлась на два метра. Быстро пошла к хозяйственному складу. Оля стена его уже висела над водой...

Я бросился к палатке и сообщил друзьям неизбежное. Все побежали спасать имущество. Дверь склада была заперта. Иван Дмитриевич вооружился пешней и стал пробивать крышу склада. Внутри уже было довольно много воды. Пробравшись в склад, Павлов выбрасывал наши запасы наружу, а мы трот грузили на их нарты и оттаскивали в сторону.

Нам удалось спасти сапоги, валенки, запасные пачки. Все, что было ценного на складе, мы вытаскали.

Освещая путь электрическим фонариком, — до рассвета было еще далеко, — мы обошли нашу льдину, осмотрели лед вокруг палатки. Во все стороны располагались черные предательские трещины. Мы оказались на обломке поля шириной примерно в двести-триста метров.

Измученные, вернулись в палатку. Решили поспать до рассвета, а затем взяться за постройку своего домика. Однако в эту ночь поспать не удалось. Вскоре дежуривший Женя Федоров разбудил меня.

— Петь, поднимайся, новая трещина под палаткой, — сообщил он, — на кухне уже выступила вода.

Теперь нам стало ясно, почему все утро скрипел каркас палатки.

Мы решили палатку покинуть. Жаль было расставаться с жилищем, в котором провели восемь месяцев. На обломке нашей льдины мы разбили тонкую ледяную палатку, перетащив туда спальные мешки и одежду. Здесь же рядом, в другой воздушной палатке, разместили радиостанцию Криселя.

С рассветом первого февраля стихла пурга. И тогда странный, unfamiliar пейзаж предстал перед нами. Вокруг, вместо привычных очертаний огромного поля, чернели трещины, какие-то знакомые торосы на обломках ледяных полей.

Я взобрался на высокий торос. Повсюду, насколько хватал глаз, виднелись льдины, разделенные водой. Весь день провозились мы с переселением, перетаскивая грузы на середину ледяной площадки. К концу дня появились новые трещины.

Под жилой палаткой, под ветраком, — всюду мы находили новые трещины. Тоненькими ниточками они жеманясь по свету.

Мы снова переселялись, перетаскивая обе палатки в центр обломка ледяного поля. Бидоны с продовольствием, баулы с одеждой, нарты, нагруженные всяким оборудованием, два каннербота и байдарку — всё это перетаскивали на небольшой уцелевший обломок льдины.

— Куда же поставить радиомачту? — волновался Крисель.

Крендель набирает воду для чая.

На льдине размером тридцать на пятьдесят метров уже нельзя было поставить антенну длиной в шестьдесят метров. Но Крендель быстро нашел выход: в двух местах по краям льдины воткнул бамбуковые палки от уцелевшей манты и натянул антенну в виде буквы «Г».

Радио продолжало работать.

Второго февраля был тихий, ясный день. Всюду, куда ни глянешь, — разводья, широкие трещины. Перепрыгивая через них, мы ушли с Женей Федоровым к остаткам гидрологической палатки, которая не выдержала порывов ветра. Из разорванного брезента торчали бамбуковые палки, виднелась лебедка.

Не было возможности перевезти тяжелую лебедку через трещины. Поэтому забрали только мелкие вещи, погрузили их на нарты и перетянули «домой».

Палатку-кухню всё больше заливало водой. Положили доски и осторожно пробрались внутрь. Здесь Иван Дмитриевич продолжал варить обед. Обедая им, подложили всякий хлам под ноги, чтобы не промочить их.

Установили непрерывное дежурство. Каждый из нас в любую погоду ночью по четыре часа бродил, следя за трещинами и торо-сами.

Едва показывались звезды. Женя начинал охоту за ними. Через час мы уже знали наш новый «адрес». Попрехнему нас стремительно несло на юг, вдоль берегов Гренландии. Мы наблюдали изумительные пейзажи, отдаленные горные вершины, особенно красивые при свете восходящего солнца.

С часу до пяти было мое дежурство. Проснулся раньше. Где-то рядом торосило. Лежа в спальном мешке, прислушался. ДУКУСФЕРА торосения. Гудело где-то совсем близко. По шуму определял: торосит всего метрах в семи от палатки.

Успокоительно скрипела по снегу шага Кренкеля. Он закончил свое дежурство и осторожно окликнул меня. Я вышел из мешка. Пока дежурна Эрнст, прямо против палатки выросли двухметровые торосы.

— Какие новости? — спросил я Кренкеля.

Он рассказал:

— «Тайшур» встретил сильный шторм, лежит в дрейфе. Рабочие Балтийского завода с огромным энтузиазмом ремонтируют ледовик «Ермак». Где-то недалеко с отчаянной настойчивостью пробивается сквозь льды маленький «Мурманск».

Сообщив эти новости, Эрнст зашел в палатку. Я остался один. Лед зтих. Нану льдину продолжало вертеть.

В ночь на восьмое февраль, по расписанию, я был выходной, то есть мне не надо было дежурить ночью. Но поспать не удалось. Ветер быстро усилился, началась пурга. Ветер рвал палатку, бешено хлопая по туго натянному шезелу. Я пытался заснуть. Но порывы ветра всё время ударяли в стены палатки, сотрясая всё внутри. Около пяти утра я всё же уснул.

Вдруг раздался отчаянный грохот и тревожный крик Эрнста:

— Вставайте скорее!

Первым выскочил Иван Дмитриевич, спавший в манеже. За ним, сердито бурча, выбежал Женя. Я спал в белом и поэтому задержался. Торопливо оделся и побежал к ним. Что-то невообразимое творилось снаружи. Это было уже не пурга, а какая-то кипящая масса снега с грохотом обвалилась, мхлястнула, захватывая дыхание.

В трех шагах я едва рассмотрел фигуру Папанова. Он и Федоров с трудом удерживали радиопалатку, сорванную ветром. В палатке ругался Кренкель, собирая радиостанцию.

Скитания не было. Но ураганный ветер сорвал радиопалатку, подбрасывая резанное надутые лодки. Вслед за радиопалаткой наступила очередь желтой шалковой палатки. Мы принялись строить заградительную стену из снежных кирпичей.

Рассвело. Ветер несколько утих. Весь день строили снежный дом, вырезая короткими пилками из снега большие кирпичи. Из этих кирпичей сложили стены. Крышу накрыли брезентом. В задней половине дома на снежных нарах лежали наши спальные мешки. У входа на снежном же столе разместились кухня. Рядом с ней — метеошка и астрономические таблички.

ДОКУМЕНТАРЬ

Снежный домик.

На новой квартире мы всё время продолжали метеонаблюдения. К вечеру мы порядком устали и, отдыхая, сидели за вечерним чаем. Делились впечатлениями о прошлой ночи — пожалуй, самой бурной из всех пережитых нами на льдине ночей.

Женя вышел из дома. Почти тотчас мы услышали его крики и отчаянный лай Веселого.

Иван Дмитриевич, схватив винтовку, выскочил из снежного дома. Мы — за ним. В двадцати метрах, освещенные луной, шли три медведя. Раздался грохот винтовочных выстрелов и рев медведей. Через несколько минут трофеи нашей охоты — три белых медведя — лежали на краю льдины.

Начиная с десятого февраля наступили морозы. Температура упала до минус двадцать градусов. Трещины, забитые обломками льда и снега, замерзли. Мы обрадовались морозу, так как при теплой погоде наши мешки, меховые рубашки и мамины быстро сырели.

Прошло еще два дня. Было тихо и морозно. Мы снова с увлечением играли в шахматы, хотя, прежде чем сделать ход, приходилось каждый раз отогреть пальцы. В нашем снежном доме отнюдь не было жарко. Днем отправился я с Женей на поиски аэродрома. Накануне Крекшелев связался с «Таймыром». Остальные просили поискать посадочную площадку.

Шли на лыжах, пробравшись через торосы.

В двух с половиной километрах наша аэродром.

Двенадцатого февраля рано утром — еще не светало — мы услышали возбужденный голос Кренкеля:

— Я ему фиксаж жжет, а он не видит!

Вдали блеснули прожекторы. «Таймир» подошел довольно близко.

Днем своим искали аэродром. В других направлениях найти ничего не удалось. Возвращаясь, далеко на горизонте увидели дымок парохода. С нетерпением все четверо ждали донести. Это было условное время для обмена с «Таймиром» наливом.

На высоком торосе Иван Дмитриевич установил магниевую ракету. Ждали, напряженно всматриваясь в темноту. Вдруг над самым горизонтом, далеко, но отчетливо вспыхнула яркой огоньк и светлым ручьем побежал в одну, в другую сторону. То был прожектор «Таймира».

— Зажигай! — кричал Кренкель.

Ярким фиксом вспыхнула ракета. На «Таймире» отлично видели наш сигнал.

Четырнадцатого февраля утром отправились на аэродром. Кренкель остался на радиостанции. Нам известно, что через час вылетают самолеты. Торопимся их встретить. Черными флажками барабаним посадочную площадку. В конце выложен посадочный знак в виде буквы «Г». Аэродром был готов.

Далеко, в лагере, Кренкель поднял красный флаг — сигнал о том, что самолеты вылетели. Но погода не благоприятствовала. Низкая облачность, серые полосы снегопада у берегов Гренландии мешали летчикам найти нас в этот день.

На аэродроме пробили почти пять часов. Вернувшись, узнали неприятную новость: летчик Черевичный не вернулся на пароход. Весь день прошел в тревожном ожидании. Смертная погода мешала вести розыски пропавшего самолета.

Пятнадцатого февраля, как только немного улучшилась видимость, мы с Женей пошли искать Черевичного в окрестностях нашей станции. По торосистому льду прошли больше шести километров на восток.

С высоких торосов в бинокль тщательно осматривали лед. Неожиданно вдали на снегу заметили какой-то предмет. Еще километр по торосам. Наконец загадочный предмет удалось рассмотреть. Это была моя гидрологическая лебедка, уехавшая на своей льдине за шесть километров от станции.

В воздухе послышался отдаленный гул мотора. Минуту спустя мы заметили приближавшийся к нам самолет. Вот он сделал один круг, другой, пошел на посадку.

Это был Власов.

К сожалению, мы не успели повидать его. Самолет поднялся в воздух минут через двадцать, а мы добрались домой часа через

полтора. Дома нас ждала замечательная посылка с «Таймыра»: пиво и мандарины.

На другой день мы продолжали свои поиски, уходя километров за семь на юго-восток. Черевичного мы не нашли.

Восемнадцатого февраля днем в двух километрах от нас образовалась большая полынья. С утра я начал строить снежное чучело. Такого дымка (в виде опрокинутой шляпки) из снежных юбок ДОКУСОВА

Варут в середине дня Иван Дмитриевич с тороса увидел дым парохода, а затем и мачты. К «Мурманку» присоединился «Таймырь», и на другой день два советских парохода почти одновременно бросили якорь на расстоянии полутора километров от нас.

Так закончил Петя свой рассказ.

НОРВЕГИЯ

Неподалеку от «Ермака» шел под всеми парусами «Мурманец». Рядом с большим двухтрубным пароходом, конвергающим клубы черного дыма, двигался, прыгая на волнах, маленький парусный корабль. Временами он совсем скрывался за водяными холмами.

«Мурманец» нас замедлял. Его слабая машина и погнутый вал не позволяли поспевать за мощным кораблем. Поэтому командование решило взять «Мурманца» на буксир.

Утром шторм стих, выглянуло солнышко.

Прекратилась качка, и все вдруг встрепенулось, почувствовало себя веселее. Немедленно началась подготовка к буксировке «Мурманца». «Мурманец», с повисшими от безветрия парусами, приближался к «Ермаку». Команда горячо приветствовала четырех почетных гостей «Ермака» и весь экипаж ледокола.

Глубокое уважение вызывает моряки этого маленького суденышка, проявившие величайшую храбрость и самоотверженность. Ведь они, несмотря на жестокие штормы и грозные свисты, узорно несли патрульную службу у краев льда.

«Ермак» взял «Мурманца» на буксир. Мы шли со скоростью семи миль в час. В трезвках ветрах пошел «Ермак»: шел, вытягивая стальной трос буксира, маленький «Мурманец».

Через несколько дней «Ермак» подошел к берегам Норвегии. Была ночь, темная, как бархат. Слева и справа проплывали разноцветные огоньки и мигающие звездочки. Это были встречные корабли и шхеры. Мы входили в норвежские шхеры.

— Стоп! — командовали на мостике, и «Ермак» остановился. С грохотом ушел в воду якорь. Мы таятно пытались рассмотреть город, огни которого сверкали в темноте.

— Ничего не увидите. — сказал вахтенный штурман. — Идите лучше спать. Утром рассмотрите. Могу только сказать, что это город Коперник.

Мы ушли спать.

В шесть часов утра, когда на корабле спали все, за исключением вахтенных, к борту подошел маленький катер. В нем пришла корреспондент местной газеты.

— Мне надо видеть господина Папанина, — заявил он.

— Он спит, приезжайте позднее, часа через три.

Вслед за представителем маленькой газеты маленького норвежского городка стали приезжать на катерах корреспонденты других, более крупных газет, телеграфных агентства, радиокомпаний, фотоагентств.

Было холодно, дул сильный ветер, но фюорду гулала волна.

Журналисты, одетые в легкие резиновые плащи, замерзли, дрожали от холода; они поднимали воротники и шарлобучили на самые уши шапки.

Когда время подошло к полудню, круг катеров стал суживаться. Первым к трапу подошел наш ранний гость. Он поднял плащ и вопросительно помазал рукой. Штурман утвердительно кивнул головой, и гость быстро пошел по веревочной лестнице. Вслед за ним стали карабкаться и другие. Через полчаса кают-компания была забита шумной, говорливой и довольно бесцеремонной толпой.

Папанины были встречены аплодисментами.

— Зеер гут¹, — сказал Папанин.

Все рассмеялось, и беседа началась.

— Не теряли ли вы надежды на возвращение? — задали свой первый вопрос представители иностранной печати.

— На одну минуту. — ответил Папанин и повторил: — ни на одну минуту. Наша страна граждан не бросает...

— Как происходило спасение?

Выслушав перевод, Папанин задрожествовал:

— Никто никого не спасал. Это был конец эскадры, и нас просто съели.

Подробно расспросив о том, что ели аэровики на льдине, как были одеты, как перемещивались с женщинами, журналисты под конец беседы интересовались «краткими итогами» научных работ.

— Еще Нансен... — начал переводить ответ Папанина Шмидт.

Но его переспросил норвежский журналист:

— Кто? Нансен? А кто такой Нансен?

Шмидт любезно объяснил, кто такой Нансен. После этого журналисты стали благодарить папанинцев за интервью.

Коперникское знакомство продолжалось до вечера. Затем «Ермак» прекратил прием посетителей.

¹ Зеер гут (по-норвежски) — очень хорошо.

ДОКУМЕНТАРИ

«Брига» берет «Мурманск» на буксир.

ЖИЗНЬ НА «ЕРМАКЕ»

Сильная качка ледокола доставляла всем обитателям «Ермака» немало неприятностей, в том числе и дорогим гостям корабля — папанинцам. Они «расплачивались» за гостеприимство ермаковцев. Дело в том, что заботливые, внимательные товарищи Папанина, Кренкеля, Ширинова и Федорова — англичанин, яблоками, бутылками газированной воды и московского пива. Все эти предметы, улаживавшие вкус отважных зимовщиков, от сильного шторма вдруг пришли в движение.

— Всю ночь мы воювали с фруктами и бутылками, — жаловался утром Папанин. — Только утром удалось более или менее удачно разместить все эти припасы, приостановить их «бег» и потом, вод шум перекатающихся в ящиках яблок, уснуть.

Весь мир продолжал злослыть папанинцев приветствиями и поздравлениями.

О том внимании, которым незримо были окружены папанинцы, говорит такой с виду мелкий факт:

Ширинов послал своим родителям в Днепроветровск радиogramму и вскоре получил уведомление от днепроветровского телеграфиста, что радиogramма вручена адресату через сорок минут после подачи ее.

Ленинградский радиокомитет сообщил папанинцам, что в ближайшие дни организует специальный концерт для них и просит заметить программу этого концерта. Папанинцы попросили передать для них отрывки из новых советских опер — «Броненосец Потемкин», «Поднятая целина». Они просили также, чтобы были исполнены новые советские песни и чтобы выступил оркестр народных инструментов.

Героя дрейфующей лодки не могли пожаловаться на отсутствие развлечений.

За дня пребывания на ледоколе им показали немало прекрасных кинокартин: «Ленин в Октябре», «Балтийцы», «На Дальнем Востоке», «Мы из Кронштадта».

Огромный успех имели, разумеется, отрывки из фильма об экспедиции на Северный полюс.

Когда на экране выросли снежные равнины, льдины, торосы, палятки, лагерь, вид которого известен на всем земном шаре, маленький кинотеатр затрясся от грохота аплодисментов.

Вот из палатки выходит Папанин. Он весь в мехах. Неподдалеку работают Кренкель, Ширинов, Федоров. Папанин держит в руках длинный-предлинный бинокль. Он выезжает на торос и пристальноглядывается в даль.

Иван Дмитриевич Папанин и его друзья впервые видели киносьемки Северного полюса, которые были сделаны кинооператором в прошлом году.

Вся четверка была глубоко взволнована этими кадрами.

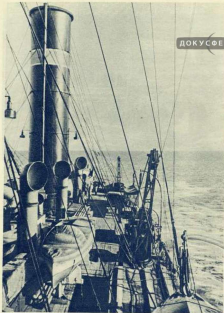
ДОКУМЕНТАРЬ

Иностранцы гости воям «Кренкель».

Эрих Кренкель часто лежал на своей койке и молчал. Он устремлял глаза в потолок и сосредоточенно думал. Он осмысливал переход со льдины на корабль, из холодной палатки в жарко отопленную каюту, из жесткого волчьего меха в изразмешенное полотно прохладной постели. Не так легко сразу войти в круг оживленных, говорливых, шумливых людей, которых еще недавно он слушал только по радио. Причем надо отметить: за исключением хора, Кренкель и его товарищи слышали всегда только один голос: по радио, как и на сцене, разговаривают в одиночку. А здесь — в кают-компании, в красном уголке, в кинозале — разговаривают группами, в разных углах. Стоит гомон, непримычное гуденье...

Воям койки Кренкеля лежала стопка книг, похожих на бухгалтерские: записные журналы.

— Это моя продукция за девять месяцев, — говорил Кренкель, — Здесь записано всё, что я привал и передавал, начиная с двадцать первого мая и кончая девятнадцатым февраля. А вот это, — Кренкель приподнимает подушку и показывает пачку серебрястых тетрадей, — это мои дневники...

На палубе «Ермака».

В первом ряду слева направо: товарищи Котца, Барсуков, Папанин, Воронин; во втором ряду: товарищи Шаршов, Осталясов, Кренкель, Федоров.

Папинский дневник самый объемистый. Он как начальник зимовки заносил в свои тетради абсолютно всё.

— Палец порезал — и то записал, — говорил Папин.

Ночью, когда жизнь на корабле стихала, в кают-компании продолжалось круглосуточное чаепитие. Митрич и Эраст (Федоров и Шаршов были заняты своими научными материалами) пили чай в обществе журналистов, Осталясова и штурмана.

Они рассказывали оживленно о своей жизни, смеясь звонко и беззаботно.

Мы перебивали их и спешили рассказать о Большой земле. Папин и Кренкель слушали нас с не меньшим вниманием, чем мы их.

Иногда в дверях появлялась фигура Отто Юльевича.

— Не спится что-то... — снуещенно говорил он и усаживался рядом.

Сидеть было трудно. Качало во-всю. Навытые до половины стены держали в руках, чтобы не расплескался чай. Все привязывали, закрепляли. По полу ездили велосипеды и шахматная королева, забравшаяся под диван еще в прошлую зиму и только сейчас появившаяся на свет.

Люди сулорожно держались за привычные к полу стулья, за спинки диванов. Ходят, веселе, шутки не утасали.

— Пора, братки, пора, — говорил Папин и осторожно пробирался к выходу. Кают-компания пустела. Мы балансировали по кор-

ДОКУМЕНТАРИ

Олег Юльевич Шмидт с товарищами Котловым, Остапенко и Барсуковым в кают-компании «Ермака».

дору, осторожно обходя Веселого. Бедный пес лежал на подстилке и вместе с ней сдвигался из стороны в сторону — в такт качке.

Еще в какой-то каюте раздавался приглушенный взрыв смеха — и корабль засыпал...

День начинался поодиночке. К обеду сходились молча. По морскому обычаю, не здороваясь: надо сделать вид, что все встали давно и уже по нескольку раз видели друг друга. Радисты приносили папанинцам кипу радиogramм, принятых за утреннюю вахту.

Кто только не посылал героям приветствий и поздравлений: дети, старики-колхозники, народные артисты, Герои Советского Союза! Писали в одиночку и коллективами. Приветовали из песков Средней Азии и ледяных просторов Арктики.

Несколько дней назад из «Ермака» у мыса Скаген сел лодочник-датчанин. Он привез письма.

На конверте, присланном Папанину датскими ребятами, было написано: «Советский ледокол «Ермак» — начальнику Северного полюса мистеру Папанину». В конверт ребята вложили большой лист бумаги и наклеили на него полдюжины фотографии, вырезанные из датских газет. «Пришлите нам несколько слов», просили юные датчане.

«Мистер» Папанин ответил им и передал письмо лодману, когда тот покинул корабль.

Любопытный вид имело письмо, присланное летым Отто Юльевичу. На конверте, отправленном из Копенгагена, было написано: «Мисс Скаген, профессору Шмидту». Для большей точности ребята наклеили на конверт портрет Шмидта, вырезанный из какого-то журнала. Впервые, вероятно, выразительное лицо и всемирная борода ледяного комиссара сыграли новую, необычайную роль почтового адреса.

Владимир Иванович Воронин привез папанинцам объемистый пакет от ленинградских ребят. Конверт был туго набит картинками. Детские сады и первые классы школ Ленинграда, как бы соревнуясь, сделали десятни рисунков на одну и ту же тему. Какую — понятно: льдина, палатки, самолеты, ледоколы. Некоторые ребята снимали папанинцев кораблем, другие самолетом, третьи собаками. У одной девочки льдина располагала четырьмя одинаковыми палатками — по одной на каждого экипажника. У другой медведи окружали льдину сложным кольцом.

К папанинцам подошел кинооператор Троимовский. Он расспрашивал их о том, как они занимались на льдине киносъёмкой. В прошлом году он дал им письменные советы, как снимать.

— Так и снимала, — ответил Кренкель. — Посмотрим в твою инструкцию — и поверим объектив, еще раз посмотрим — повернем ручку, насадим фильтр...

Редко можно было видеть всю папанинскую четверку вместе. Разве только тогда, когда они смотрели фильм или участвовали в каком-нибудь собрании. Обычно Шершов и Федоров почти всегда были заняты обработкой научных материалов. Папанин всегда был в движении. И даже грипп не смог удержать его в постели. Пользуясь временной отлучкой врача, он выбегал в кают-компанию, в кормовые каюты, в радиорубку.

А Кренкель, как мы уже упоминали, больше лежал и думал или спал.

— Он всегда отличался замечательной способностью, — говорит Папанин: — он мог заснуть в любое время. Бывало, он спит, мы его разбудим, он сделает дело — и через пять минут опять спит. Счастливцев...

Папанинцы начали строить планы, что они будут делать у себя дома, на родине. Шершов и Федоров предполагали заняться обработкой научных материалов и писать книги.

Кренкель с увлечением говорил о радиолюбительстве, о коротковолновиках. Когда разговор касался этой темы, он оживлялся, начинал убеждать, спорить, доказывать.

А Папанин?

— Что партия прикажет, то и буду делать, — говорил Иван Дмитриевич. — Я ведь создаю революцию. Буду не только работать, но и учиться...

ВЕСЕЛЫЙ

Медленно привыкая к Веселый к новой обстановке — сначала на «Таймыре», а потом на «Ермаке». И только в самом конце плаванья он стал общительным, ласковым и веселым.

Однажды вечером в кают-компании Иван Дмитриевич рассказывал нам о своем четвероногом друге. Рассказ этот я записал **ДОКУСФЕРА**

Больше года назад в Москве, когда мы еще только готовились к перелету на Северный полюс, у нас появилась мысль прихватить с собой еще одного участника будущей экспедиции. Речь шла о собаке. Четвероногий товарищ отнюдь не намечался для выполнения тяжелых работ; точно так же не собирались мы и эксплуатировать его в упряжке; да и что возмешь с одной собаки! Хотелось иметь просто лишнего товарища с хорошим характером, всегда готового развлечь, развеселить нас.

К тому же нам нужен был хороший сторож, способный вести круглосуточную вахту. Мы не сомневались, что придется встретиться с медведями. Обойтись для такого случая зорким сторожем не мешало.

Выбор пал на черную лайку по кличке «Веселый». Она сразу приглянулась нам своим ласковым характером, резвостью, приветливостью.

Двадцать первого мая, в день отлета на полюс, с Веселым пришлось временно расстаться. Мы отаравливались на самолете Водонькина, Веселого же посадил в машину Мазурук. Мазурук перелетел через полюс и опустился в американском секторе Арктики. Он пробыл там до пятого июня. В этот день мы снова встретились с нашим четвероногим другом.

Веселый вел себя на льдине довольно спокойно и держался так, точно находился дома, на острове Рудольфа. Но вот шестого июня, в день отлета экспедиции Шиндта на Большую землю, Веселого будто подменил кто-то. Летчики запустили моторы, люди начали усаживаться в самолеты. И тут-то Веселый решил, что все покидают льдину и оставляют его одного. Им овладело сильное беспокойство. Не мог же он не знать, что мы останемся вместе с ним!

Овлаченный тревогой, он с визгом носился вокруг самолетов, прыгал под бешено вертящиеся винты, метался от меня к Кренкелю и утомленно заглядывал в глаза.

..Минуты прощания были проникнуты торжественностью. Вместе с тем мы испытывали волнение и грусть от сознания, что расстаемся с друзьями. От истерики Веселого нам стало еще тяжелее. И только лишь с отлетом последней машины Веселый успокоился.

Началось житье-бытье на льдине. Веселый первое время почти не отходил от меня или Кренкеля. К Пете Ширшову и Жене Федорову он привязался только спустя несколько месяцев и тогда перестал отдавать нам с Кренкелем предпочтение.

Выбор пал на черную лайку по кличке «Веселый».

Веселый прекрасно выполнял обязанности сторожа. Помню случай, который произошел летом.

Во время дежурства Кренкеля на льдину пришел три медведя. Веселый был привязан к нартам. Мы ничего не замечали. Вдруг раздался яростный лай собаки. Эрист схватил винтовку, выбежал из палатки и открыл стрельбу. Медведи быстро убежали. Так Веселый спас в этот день нашу продовольственную базу.

Не будь его на льдине, медведи преспокойно разломали бы банки с продовольствием.

Меня могут спросить, зачем понадобилось привязывать Веселого к нартам. Объясняется это причинами не совсем деликатного свойства. Веселый был уличен в воровстве. Произошло это следующим образом. Я спрятал наши запасы сырого мяса — телятину и синюю тушу — в пещеру, вырубленную в айсберге. Веселый проникнул, где помещаются наш мясной склад, разыскал его, раскопал снег и стащил кусок мяса. Вот за этот проступок мы и наказали его.

Мы установили также, что Веселый занимался воровством продуктов даже на камбузе черной палатки. Не раз ползком на броне он прокрадывался к шкафу с маслом и отгрызал нарядную порцию. Иногда мы ловили его за этим занятием сами, а иногда узнавали о

Никита Дмитриев с собакой Веселый.

краже по следам зубов, которые оставались на масле. Любопытно, что Веселый никогда не съедал целиком того, что ему давали, ни того, что удалось стащить. Обычно половину съест, а другую спрячет. Выроет ему в крепком снегу и сложит туда свои запасы. Даже тогда, когда в долго не показывался из палатки и пес испытывал голод, он все-таки не трогал своих пищевых запасов. Очевидно, пес понимал, что находится на льду, где мало ли что может случиться! Поэтому и решил создать себе базу, подобную нашей. Веселый в этом отношении держал себя, как лещ, который никогда не съедает своей добычи целиком, а обязательно половину оставляет про запас.

Веселый всегда жил на улице. Толстая природная шуба полярной лайки отлично грела. И только в очень сильную стужу он, не выдержав, просился к нам в палатку, давая об этом знать визгом. Мы выпускали его в тамбур, где он устраивался довольно уютно.

В дни больших праздников мы брали Веселого в палатку. Он садился рядом с нами, и каждый считал своим долгом угостить его жареной сосиской или другим лакомством. Поужинав, пес ложился. Мы давали ему наслаждаться сном и некоторое время не трогали его. Но, когда приходило время укладываться спать, в разговор Веселому:

— Голубчик, бал кончился. Отправляйся охранять наш мирный труд.

Веселый не протестовал. Он как бы понимал, что обязан трудиться за тот сытный стол, который получал на Северном полюсе, и уходил из палатки.

Наш четвероногий компаньон доставил нам много приятных минут. В длинную полярную ночь он развлекал нас своей **ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ** прыжками, притупленными танцами. Иной раз просто подбегал, заглядывал в глаза, поворачивал хвостом — и веселее на душе становится. Он вполне оправдал свое имя.

Пес никогда не отлучал нас и всегда сопровождал во время путешествий на край льдины. Он бегал также с Шварцовым и Федоровым, когда они уходили на разведку за десять-пятнадцать километров от лагеря.

Полярную ночь Веселый перенес отлично. Он почти никогда не терял хорошего настроения. Но, когда появлялась луна, когда раздавался грохот и треск торосившихся льдов, Веселый начинал терять равновесие. Он часами просиживал на соседней льдине и восторженно лаял на ночное светило.

Примерно так же встретил Веселый световые лучи прожекторов с «Таймыра» и «Мурмана», которые мы увидели двенадцатого февраля.

Девять месяцев Веселый не встречался ни с кем, кроме нашей четверки, и совершенно отвык от людей. Можно представить себе смущение нашей лайки, когда на льдине вдруг появилось сразу восемьдесят человек! Удивленный и испуганный, Веселый удрал. С большим трудом удалось разыскать и поймать его, чтобы водворить на корабль.

Теперь Веселый возвратится вместе с нами на Большую землю. Никому из нас не хотелось бы расстаться с ним. Но что же делать: нас четверо, а он один. Поэтому мы пришли к выводу, что надо его отдать. Кому?

Этот вопрос мы еще не решили.

Поживем — увидим.

ОПЯТЬ ЛЬДЫ

Несколько дней назад мы расстались со льдами Арктики. В Финском заливе мы опять вошли во льды. Странно даже: всё время шел на кого-восток по чистой воде — и вдруг опять льды. Получившее сообщение, что из Ленинграда выехал навстречу «Ермаку» деловое «Трувор». На борту «Трувора» — жены папанинцев, представители печати, фотокорреспонденты.

Во льдах Финского залива «Ермаку» идти было трудно. Штормовые ветры нагромождали торосы и уплотнили лед. На «Мурманск»

Оставшиеся ледовики на борту «Ермака».

увеличилась течь. Положение его не было опасным, однако, чтобы привести судно в порядок, мы остановились во льдах, примерно в восьмидесяти — восьмидесяти пяти милях от Ленинграда.

Утром решили двинуться дальше, но это оказалось не так-то легко: Финский залив был заторожен.

«Ермак» остановился, скошенный льдом. Чтобы оторваться от него, пришлось поочередно наполнять водяные цистерны то с одного, то с другого борта. Ледоком накрывался то в одну, то в другую сторону. Раскачивая судно таким образом, удалось оторвать его ото льда.

Тем не менее, положение наше несколько не улучшилось. Основная беда была в недостатке угля. Надежались на «Трувор». Но «Трувор» двигался лишь со «скоростью» четверти мили в час.

Командование экспедиции решило идти не прямо в Ленинград, а в ближайший порт, где можно было запастись углем. Ближайшим от нас портом был Таллин.

Надо было снискать выйти кою льдов, пока на «Ермаке» еще оставался уголь.

«Трувор», по предложению Шмидта, вернулся в Ленинград.

Повернувшись к корме льда, «Ермак» после шести часов борьбы со льдами вышел на чистую воду.

На льдоколе продолжалась нормальная судовая жизнь. Попанин, Кренкель, Ширшов и Федоров беседовали по радиотелефону со своими женами, находившимися на «Труворе».

ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА

ДОКУМЕНТАРНО

Я зашел в кают-компанию. Жена Федорова перелистывала тетрадь и делала какие-то записи на листе бумаги.

— Ты занят?— спросил я.

— Готовлю корреспонденцию для «Комсомольской правды»,— сказала она, — ведь я ее корреспондент.

— Дай почитать что-нибудь!

— Да вот только отрывки из дневника.. Посмотри.

Я присел тут же у стола и стал читать его записи.

5 февраля. Ивану Дмитриевичу пришла в голову хорошая идея — уложить всё необходимое имущество на нарты и быть готовыми в любую минуту переменить место жительства. Две нарты лежали в километре от нас, у гидрологической палатки, которая теперь дрейфовала во льдах вполне самостоятельно. Вместе с Петей Ширшовым мы отправлялись туда. Довольно долго шли мы к палатке — этот километр дался нам нелегко. Разводья всё увеличивались. Часто приходилось совершать большие обходы.

Наконец мы добрались к нашему гидрологическому «хутору», как мы прозвали палатку в те времена, когда она помещалась на нашем ледяном поле. Палатка оказалась разорванной — ее растерзали штормы. Мы разрезали палатку, которая так долго служила нам, выдернули палки, поддерживавшие ее, — в нашем хозяйстве и палки пригодятся, — выкопали из снега нарты и отправились домой.

С нартами двигаться было легче. Мы использовали их как мостки, перебираясь через разводья. Обратное путешествие прошло вполне благополучно, без всяких приключений.

В ночь на 3 февраля мне удалось «поймать» сквозь разрывы в облаках Полярную звезду, Капеллу, Вегу и Арктур. К моему удивлению, звезды смещались не слева направо, как обычно, а... в обратном направлении. Что бы это могло значить? Трудно было бы предположить, что земля начала вращаться в обратном направлении. Стало ясно, что во всем виновата наша лодка — она вращалась по часовой стрелке, и вместе с нею вращались и я и мой теодолит¹. Однако естественное движение света не влияло на их высоту, и мне удалось достаточно точно определить, где мы находимся.

Утром я вычислил результаты научных наблюдений. Рядом со мной на радиостолбе шумел примус, подогревала крышка закипающего

¹ Теодолит — угломерный инструмент.

Е. К. Федоров собирает свои научные приборы.

чайника. Цифры сообщили приятную новость: нас отнесло еще дальше к югу, и сегодня мы должны были увидеть солнце. Мы действительно его увидели...

В это время мы занимались «благоустройством» лагеря. Эрист установил для своей антенны три мачты. Антенну пришлось натянуть под углом — ледники уже нехотали, чтобы растянуть на своем лаку семидесятиметровый канатик антенны.

Я тем временем проломил крышу в своей ледяной «обсерватории» и доставал из нее последние мелочи, которые были забыты при спешной эвакуации. Копаясь в «обсерватории», я не замечал, что творится за моей спиной. Вдруг раздался голос Ивана Дмитриевича:

— Жена, поздравляю!

— Что такое?

— А вот посмотри...

Я выглянула наружу. У самого горизонта сквозь туман просвечивал долгожданный красный диск солнца. На оранжевом фоне яркой зари резко выделялись зубчатые грады торосов. Эрист и Иван Дмитриевич радостно улыбались, стоя около кучи метровой одежды, которую они старательно сортировали.

6 февраля было днем новых крупных событий. Мы проснулись в 10 часов утра. Разбудил нас Кренкель — он дежурил. Начиналось торшение. Ледники со скрипом терлись друг о друга. По краям нашего крошотного обломка уже вырастали ледяные валы. Правда, пока они состояли из кусков снега и тонкого льда. Наш обломок был еще мал.

Ближайший вал выросал совсем рядом с нами, в семи-десяти метрах от палатки. Кренкель при каждом обходе внимательно осматривал края нашего осколка. Мы опасались, что при дальнейшем сжатии его может окончательно разломать. К счастью, в 16 часов торшение прекратилось. Трещины между движущимися ледниками вновь расширялись. Мы наблюдали интересное зрелище: отдельные части нашего бывшего лагеря то подходили к нам, то отходили обратно. Мы видели, как мимо нас плыла на осколке ледники база продовольствия. Одно время к нам подошла на расстоянии полукилометра гидрологическая лебедка, которую мы совсем было потеряли из виду. Хотели взять ее, но не успели — лебедку опять унесло в сторону.

Зато удалось взять керосин с одной проплывавшей мимо базы. Надо было проявлять большую ловкость и не зевать! Упустишь минуту — и база мчится в сторону.

Казалось, в таком льду к нам сможет подойти любой мелководный пароход — настолько разрежены ледники.

7 февраля. Сегодня опять свирепствует пурга. Утром после дежурства еще раз вычислили наши координаты. Оказалось, что мы прошли за эти сутки 17 миль к югу — в это при очень слабом ветре! Стало быть, здесь сильное течение.

Лед сейчас сплывался, но не торопится. Мы воспользовались удобным случаем и снова увеличали свои продовольственные ресурсы — подвезли три бидона с одной из баз, случайно подошедшей к нам.

Сейчас мы снова сидим в своей старой палатке. Иван Дмитриевич варит обед. Шумит примусы. Из кастрюль валит пар. Наше старое жилье всё больше занимает вода. По полу можно ходить только в класмах.

Эрист сейчас сидит в своей радиопалатке. Через несколько минут он должен прийти. Мы строим предположения: быть может, ему удалось послушать Москву? Мы уже знаем, что «Таймыр», идущий к нам, лежит в дрейфе, борясь с жестоким штормом. «Мурашени» пробивается сквозь тяжелые льды где-то около Ян-Майена. Слыхали, что ленинградские рабочие сказочными темпами ремонтируют «Ермак». Вся страна думает о том, как бы помочь нам. Мы очень консолидированы здесь. Хочется сказать нашим друзьям на Большой земле: «Не беспокойтесь, товарищи, мы продержимся!»

Барометр падает. Ветер крепчает. Видно, нам предстоит еще пережить довольно неприятные минуты.

— Думаю, что радио надо погрузить на нарты, — задумчиво говорит Иван Дмитриевич. Приподняв крышку кастрюли, он размешивает ее содержимое большой ложкой и потом добавляет: — А то пока сложим ее, пока разморозим, — сколько времени пройдет!

Замечание целиком справедливо. В случае, если нам придется почему-либо спешно эвакуироваться, радиостанция может нас задержать.

— Правильно. Но тогда придется вокруг этой нарты вместо палатки выстроить домики!

— Ну да, — подтверждает Иван Дмитриевич. — Сделаем тонкие стены, чтобы в случае тревоги их можно было легко разбить и вытащить станцию.

— Хорошо. Используем для этого первый же тихий день...

Слышим шаги. Сопутники в три погребка, ползет сквозь маленькую дверь длинный Эрист. Домголова его манжа подвязана куском веревки. Войдя в палатку, он прежде всего сует руки к примусам, чтобы согреть озябшие пальцы. Бедняга Эрист больше всего страдает от мороза — ему приходится работать на клочке голой руки.

Сейчас мы будем обедать, поэтому кончаю запись.

В ТАЛЛИНЕ

— Ну, здравствуй, — сказал Жень, — скоро Таллин.

В самом деле, мы были уже близко от эстонских берегов. В темноте мелькала огоньки, рассыпанные на берегу.

— Я в Таллине бывал много раз, — сказал жезланк. — Городок чистенький, но маленький, тысяча сто — сто двадцать жителей, не

Иван Дмитриевич сушит желтые чулки.

большим. Да и вся Эстония имеет не больше полутора миллионов населения.

Вдоль показались красные и зеленые огнишки какого-то катера.

К борту ледокола подплыли работники полпредства и торгпредства. Теплая встреча и дружеская беседа с ними в уют-компания продолжалась долго. Уже брезжила рассвет, когда гости покинули корабль.

Советский ледокол привлек всеобщее внимание. С утра-днем на веревочной тросулись многочисленные группы людей по молу, далеко выходящему в море. На «Ермак» приходили журналисты, экскурсанты гимназистов и наконец просто жители Таллина.

Журналисты окружили паланинцев и Шмидта, задавая их вопросы, вымаливали автографы, бесконечное число раз фотографировали троих.

В три часа дня паланинцы, впервые после десятидневного дрейфа, ступили на землю. Она пошла осматривать город. Стояла прекрасная погода. Ярко светило солнце. Появление советских коларников и жориков вызвало всюду исключительный интерес. Проложки останавливались, собирались кучками. Слышались приветственные возгласы. Таллинцы подходили к нам, расспрашивали об экспедиции.

Возвратились на корабль мы поздно ночью. На молу еще стояли люди.

И на другой день «Ермак» продолжал оставаться в центре внимания населения Таллина. Опять с самого утра жители потянулись к молу, у которого стоял наш ледокол.

В полночь закончилась погрузка угля.

В три часа утра буксир оттянул «Ермак» от мола. Спустя полчаса мы были уже в море.

После полудня подошел к «Мурманцу», вмерзшему в лед. За время отсутствия «Ермака» команда «Мурманца» успела своими силами исправить повреждения.

Опять пошла вместе.

Делалось это следующим образом.

Пробив во льду канал длиной в три-четыре мили, «Ермак» возвращался к «Мурманцу» и вместе с ним проходила по подготовленной дороге. Затем это повторялось опять: «Ермак» снова уходил вперед, пробивался и возвращался за «Мурманцем». Так ледокол прошел по сравнительно тяжелым льдам. Потом мы пошли вперед, оставляя за собой бурлящую воду, по которой, расталкивая мелкие льдины, пробирался «Мурманец».

Все ждали с нетерпением приближения к родным берегам. Паланинцы, сохранявшие железное спокойствие на волжских, не терпящих самообладания во время жестоких штормов, ломавших их ненадежную льдину, теперь нервничали. По палубе быстро ходил взад и вперед Иван Дмитриевич. Его куда-то позвали. Он отмахнулся:

— Не приставайте. Хочу первым увидеть родные берега.

ДОКУМЕНТАРІ

«Брідик» пробивав во льду канал.

Паваниным заботливо осмотрен свое хозяйство, нынешнее состояние «Северный полк», — палатку, канцерботы, различный инвентарь. Паванин требовал, чтобы всё это доставили в Москву в полной сохранности.

Когда Паванин был в трюме, к нему подошла группа моряков. — Иван Дмитриевич, сегодня мы с вами последний день. Может быть, больше не увидимся. Расскажите нам еще что-нибудь о жизни на льдине.

— Садитесь, — сказал он, — вот тут садитесь, на лодке, на палубе.

И, усадив своих слушателей, он тут же в трюме, возле своего исторического имущества, начал рассказ.

ДОКУМЕНТАРНО

СЕКРЕТ УСПЕХА

Прилетев на Северный полк, мы попали в необычайные условия. Но мы остались советскими людьми, воспитанниками партии большевиков, учениками Сталина. Мы привезли с собой на полк план, дисциплину, трудолюбие, социалистическое отношение к труду и к государственному имуществу.

Я был на станции военным начальником.

Но вместе с тем мы устраивали производственные совещания, все вместе обсуждали план, распорядок работ, жизни, учебы. Да, да, учебы. В длинные зимние месяцы мы успевали учиться, расширять свои знания, приобретать новые. Я, например, начал на Большой земле, продолжал по полчасу в день заниматься астрономией, изучал метеорологию. Моим профессором был Жень Федоров. Сам он совмещался в радиоделе. Его преподавателем был Крежель. Эрст, занимавшийся по совместительству метеорологией, таким образом, учился у Жени. Петя Ширшов всегда, даже в самые тяжелые дни, по пятнадцать минут занимался английским языком. Зависит на ночь в мешок, пробурчит что-то по-английски и заснет. В свободное время мы устраивали доклады. Жень, например, прочитал нам две лекции.

Так мы учились сами и учили друг друга, приобретали новые знания, подобно тому, как постоянно приобретают их миллионы граждан нашей страны. Мы, правда, преследовали еще одну цель: в случае нужды заменить товарища. Слулись что-нибудь с Женей, а по метеорологии сумел бы хоть в какой-то степени его заменить. Заболей Эрст, на радиостанции работал бы Жень.

К счастью, всё шло благополучно. Никто не утонул, никто не заболел тяжелой болезнью.

Работали мы все очень много. Перед нами стояла задача — не только выполнить, но и перевыполнить план. Мы это и сделали. По научным работам Ширшов и Федоров показали подлинно сталинские темпы. Они были заняты всегда, невзирая на погоду. Ни метель, ни пурга не могли остановить их.

Особенно опасно было ходить в кургу к краю льдины. Я провел от палатки к трещине «троллейбусную линию» — протянул веревку длиной в три четверти километра. Держась за нее, Петьа шагал в ползущую темную ночь к краю льдины и проводил там несколько часов, работая под вой и свист ветра. Когда он возвращался, то напоминал рождественского деда. Трудно было узнать в нем молодого человека.

Эрист должен был держать связь с островом Рудольфа один раз в сутки, а держал четыре раза. Если антенны обледеневали, Эристер срывал ее с мачт. Эрист требовал, чтобы мы вылезали из палатки и вырубали мачты изо льда, прикрепляли антенну, заново устанавливали всю конструкцию.

Эрист не только передавал оперативные, частные и корреспондентские радиogramмы, но и успевал передавать короткие сообщения о результатах нашей научной работы. Дело прошлое, теперь можно сказать: мы решали передавать на землю самые важные из наших наблюдений еще до возвращения на материк. Это мы делали на тот случай, если с нами что-нибудь случится. Мы считали своей первой обязанностью передать науке наши открытия.

Я занимался хозяйством и помогал товарищам в работе. Бывало, кончая варить обед и отправляюсь к лунке — помогать Широкову вытаскивать трос из воды.

Многие думают: экспедиция, да еще на полюс, да так богато снаряженная, — можно особенно не экономить, можно и расхлебаться.

Нет, это не дело. Вот, например, история с ламповыми стеклами. Когда стемнело, вытаскивая лампы. По эмпирическому опыту, я знаю, что подмирки не особенно бережно относятся к ламповым стеклам. Я и заявил сразу: чтобы не было обиднички, чтобы сохранить стекла, объявляю себя единственным фонариком Северного полюса.

С тех пор в никому не разрешал дотрагиваться до ламп. Сам чистил, козалил в копоти, саже, керосине. Но зато стекла нам хватало. И в этой скромной части план был выполнен.

Когда мы высадились на льдину, в нашем коллективе было двадцать пять процентов членов партии, двадцать пять процентов кандидатов, двадцать пять процентов комсомольцев и двадцать пять процентов беспартийных. Я член партии с тысяча девятьсот девятнадцатого года. Кренкель — кандидат с тысяча девятьсот тридцать пятого года. Федоров — комсомолец с тысяча девятьсот тридцать третьего года. Широков — беспартийный. Затем дело несколько изменилось: Широков принят в союзуствующий.

Было это так. Петр Петрович еще на Большой земле неоднократно говорил мне о своем горячем желании вступить в группу союзуствующий. Но подготовка к экспедиции помешала ему оформить свое стремление. На льдине я получил радиogramму Полуправления Главсевморпути. Меня утвердили парторгом дрейфующей станции «Северный полюс». Тогда Петьа подав заявление. К нему были при-

Совместные буера выжили конструктор «Бразил».

ложены две рекомендации — одну он получил по радио от Копусова из бухты Тихой, другую дал я.

Устроили собрание. Явка, как всегда, была стопроцентная. Уселись вокруг билета с табаком, накрыли его листом фанеры. Жена вел протокол. Петр Петрович рассказал свою биографию. Я дал характеристику молодому ученому, непартийному большенику. Затем выступил Кренкель и Федоров. Шариков единогласно был принят в группу сочувствующих.

Так прошло наше первое партийно-комсомольское собрание на льдине Северного полюса. Оно ничем не отличалось от партийных собраний на Большой земле, если не считать того, что там не бывает таких маленьких партколлеktивов, да еще того, что льдина наша в эти дни таила из-за всех сил и палатка была окружена согреми талой воды.

Жизнь наша шла в ногу с жизнью всей страны. Нас там не забывали. Мы слушали по радио сообщения о нашем житье-бытье. Для нас устраивались специальные передачи.

Мы были связаны с Большой землей и по-деловому. Мы, например, очень деятельное участие принимали в трансполярных перелетах. Для перелета Чкалова мы каждые три часа передавали метеосводки. Приготовили площадку на случай вынужденной посадки.

Встреча «Грома» в Ленинграде.

А когда летел Гром, мы должны были не только обслужить его метеосводками, но и зарегистрировать момент перелета. Для этой цели Московский аэроклуб назначил Федорова спортивным комиссаром.

Михаил Михайлович не дал нам из Москвы письма. Он должен был сбросить их нам с самолета. Но льдина в то время была окружена большими разводнями, и теперь сверху было очень трудно найти. Поэтому мы решили нанести такое яркое пятно, которое летчик мог бы без особого труда заметить с большой высоты.

Налив в бидон воды, мы развели в нем специальную антракиновую красную краску. Краска эта особенная: достаточно вылить в одном месте полстакана, чтобы вокруг в красный цвет окрасился снег на площади в несколько десятков квадратных метров. Мы развели пять ведер такой краски. Петя и Женя описали на льдах большой круг по льдинке. Затем мы вдвоем погрузили бидон с краской на нарты и с большим трудом (снег был очень рыхлый) повезли его по очерченному кругу.

Итти было очень тяжело. Снег подтаял, вода набиралась в сапоги, но мы донтались. Через каждые десять-пятнадцать метров шестые

останавливалось, и я, как дык, кропна краской. В результате образовался гигантский красный круг.

Мы ушли далеко в сторону и убедились, что Громов должен его заметить. Но, к нашему величайшему сожалению, громкая работа пропала даром. Мы не видели Громова. Громов не видел нас. Мы слышали по радио, как он летел, общался с ним радиостанцией, получили приветствие от всего экипажа. Это нас очень **ДОКУМЕНТАРА** несколько утешило.

— Что ж, — сказал я, — не пришлось получить писем от родных, пожелаем же Громову благополучно долететь до Америки.

И когда он сел, мы с величайшей радостью слушали по радио сообщение о его рекорде.

И тогда-то мы почувствовали, что трансполярные перелеты целиком оправданы существование станций «Северный полюс», что наша метеослужба в какой-то степени помогает замечательным летчикам нашей страны совершить невиданные подвиги, добыть новую славу нашей замечательной родине.

Папанин смолк. Потом, встряхнув головой, он продолжал:

— Скоро льды. Скоро Ленинград. Скоро мы будем дома. Вернемся к нашей жизни на земле, к жизни в городской обстановке. Но у меня нет даже ощущения, что я уезжаю с материка. Мне кажется, что просто было так: мы взяли кусок покрытой снегом советской земли, перенесли его со всей советской действительностью в Арктику и прожили на нем девять месяцев.

И в том, что на льдине мы жили так же, как жили и будем жить на земле, — «секрет» нашего успеха. Мы оставались и на льдине советскими людьми. Мы ни на минуту не выпускали из рук победного знамени партии Ленина — Сталина.

И потому мы победили.

В ВЕСИРЕССЕ ГЕРОЕВ

Учались в темноту последние поезда. Вокзал опустел. Закрывались сарапичные классы, кассы. И внезапно вокзал опять ожил. Вдоль залы выстроились почтительный караван. На перроне зажглись прожекторы.

Масса провожающих расступилась. Подняв флаг, тот флаг, который развевался на станции «Северный полюс», по перрону шагала Папанин. Рядом с ним шли Ширинов, Кренкель и Федоров, за ними — Шмидт, Остащенко, Воронин, Барсуков, Ульянов, Котлов.

Было два часа ночи. Поблескивая зеленым и коричневым лаком, стояли двенадцать вагонов специального поезда, в котором полярники отправлялись из Ленинграда в Москву. Поезд был составлен из лучших салонов и спальных вагонов. В состав были включены вагон с имуществом станции «Северный полюс», вагон-электростанция Союз-

Лидеры Дреффузовой станции «Северной лодки» со своими родными на приеме в Кремле 17 марта 1938 года.

кинохроники, вагон-ресторан. Самый мощный в СССР паровоз возглавлял торжественный поезд. Портреты героев и флаги украшали вагоны.

В два часа тридцать минут специальный поезд-экспресс покинул Ленинград. Прорезая темноту, мчал он в столицу людей, имена которых были у всех на устах. Прижались к холодному стеклу, мы видели, как на полустанках и маленьких станциях стояли толпы людей, вышедших в позднюю ночь посмотреть на ленинградский поезд.

Папанин и его товарищи заснули. Они были очень утомлены последним днем в Ленинграде. Они приняли там бесчисленное количество гостей, беседовали с журналистами, посетили крупные предприятия города, выступали на митингах. Вечер провели они в Филармонии, где ленинградцы оказали им горячую и сердечную встречу. Лишь два часа назад Иван Дмитриевич, вспоминая свои молодые матросские годы, лихо отплясывал на сцене с почтенной партнершей, народной артисткой СССР Корчагиной-Александровской...

И вот они едут в Москву.

Первые остановки. Гремят оркестры. Десятки тысяч людей собираются на станциях, встречают поезд.

Папанин, Шариков, Кренкель, Федоров выходят на станциях, чтобы встретиться с тысячами незнакомых и вместе с тем желанных и близких людей.

Станция Бологое. Здесь выступает Папанин.

— Вы считаете нас героями, — говорит он. — Так взгляните на себя

разве в каждом советском человеке нет героизма, отваги, смелости, которых хватит на любой подвиг?!

Вышний Волочок. Спорово. Папанов и Кренкель горючо обвиняют старика и старуху, съездившихся из округа, чтобы почитать героев.

— У меня тоже есть сын!— кричит старик-почтальок. — Напишите ему, он живет в Житомире, он лейтенант.

Понимая, что хотел сказать старик, Кренкель провозносит горячие слова о сыновьях — о советской молодежи, способной

ДОКУМЕНТАРИЙ

Калининцы встречают поезд музыкой, цветами, торжественным митингом. С речью выступает депутат Верховного Совета Петрова. Отвечает Ширинов. Петрова передает ему цветы и говорит:

— С этим букетом передаю вам любовь трудящихся города Калинин.

Калин. Ширинов и Федоров на трибуне. Митинг. А Иван Дмитриевич отошел в сторонку, остановился у группы ребят и разговорился с ними. Весело и шумно в этом уголке. Про житейское-бытие, про полусонную кухню, про анимационную «банию» рассказывал Папанов, и ребята дружным смехом платили за увлекательный рассказ.

— Мы чувствуем ваше теплое отношение, — говорит Иван Дмитриевич. — Наша льдина чуть не растаяла от вашей теплоты...

Поезд мчится вперед. В вагонах работают журналисты, кинооператоры, фотокорреспонденты. Снимают кинематограф Ульянов, беседующего с журналистами. Кинооператоры вошли в салон-вагон и снимают героев на последнем перегоне перед Москвой.

Осталось двенадцать километров. Люди стоят вдоль пути сплошной стеной. Машут руками, шапками, бросают цветы. Народ приветствует своих героев, своих любимцев, лучших своих представителей.

Ровно в четыре часа дня паровоз остановился у перрона московского вокзала.

А через полчаса отважные победители Арктики в машинах, украшенных цветами, ехали в Кремль, в Сталинку.

1983

ДОКУСФЕРА

15222

30-5

96

ДОКУМЕНТА